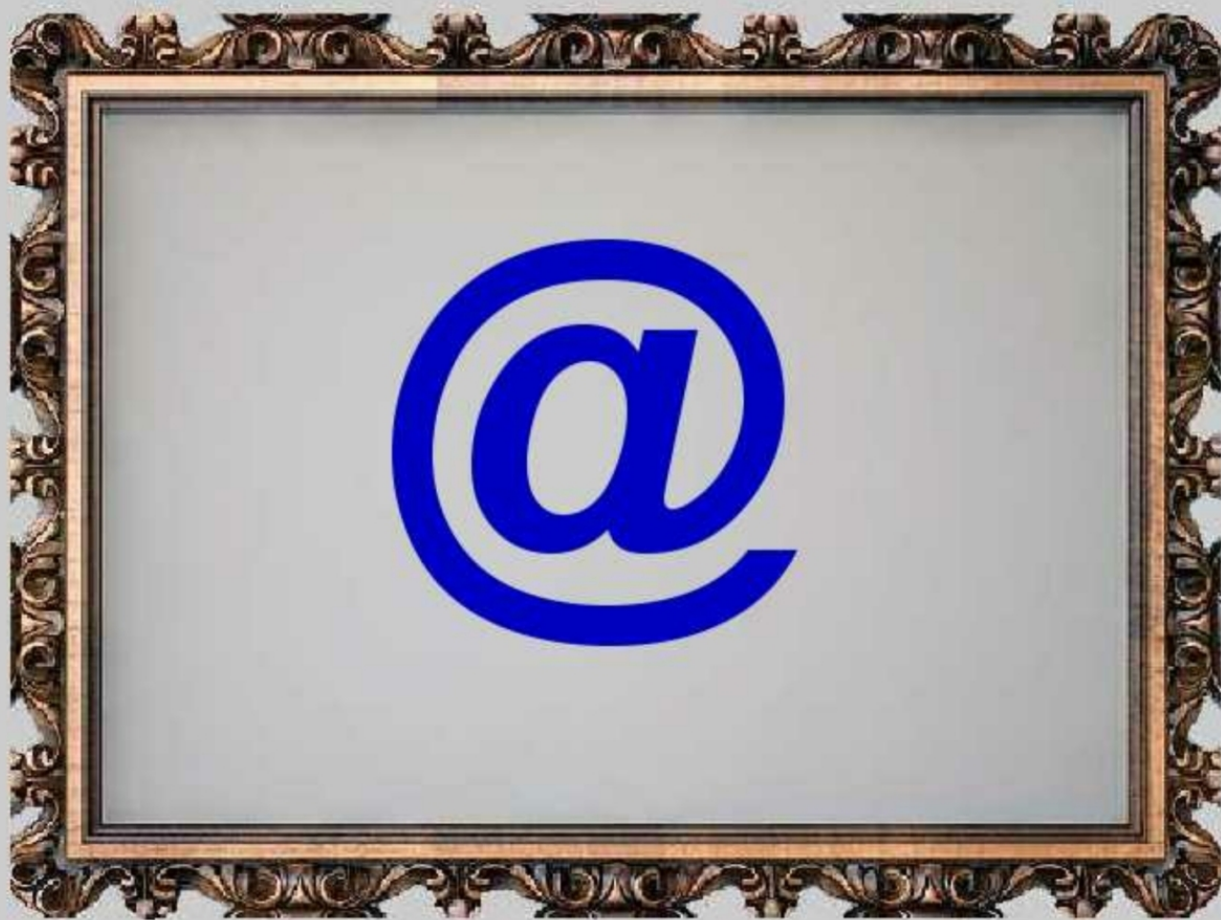

Николай@Наседкин

Люпофь
~~*Любовь*~~

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Email-роман

18+

Николай Наседкин
Люпофь. Email-роман

«Автор»

2006

Наседкин Н. Н.

Люпофь. Email-роман / Н. Н. Наседкин — «Автор», 2006

По жанру «Люпофь» — email-роман, эпистолярный роман XXI века. Он состоит из двух частей. Первая — настоящая, страстная, невероятно красивая и, казалось бы, неповторимая любовь 50-летнего профессора вуза и его 20-летней студентки. Поэма любви! Вторая — продолжение этой же самой любви, но уже на уровне фарса, пародии, мучительного взаимного истязания героев. Агония, предательство любви! Можно ли одновременно и одинаково жарко любить двоих? Кто объект, а кто субъект измены в любовном треугольнике?.. Содержит нецензурную брань.

© Наседкин Н. Н., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
1. Прелюдия	6
2. Коитус	15
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Наседкин Люпофь. Email-роман

Целую тебя поминутно в мечтах моих всю, поминутно взасос. Особенно люблю то, про что сказано: “И предметом сим прелестным восхищён и упоён он”. Этот предмет целую поминутно во всех видах и намерен целовать всю жизнь. Анечка, голубчик, я никогда, ни при каких даже обстоятельствах, в этом смысле не могу отстать от тебя, от моей восхитительной баловницы, ибо тут не одно лишь это баловство, а и та готовность, та прелесть и та интимность откровенности, с которою это баловство от тебя получаю...

...Пишешь: А ну если кто читает наши письма? Конечно, но ведь и пусть; пусть завидуют...

*Из писем Ф. М. Достоевского жене
Анне Григорьевне из Эмса (1879 г.)*

*Обязательно напиши про НАС роман!!! Только ты сможешь!
Используй наши мэйлы, я тебе доверяю!..*

Алина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Прелюдия

Друзей у Алексея Алексеевича Домашнева не было.

Впрочем, один всё-таки, наверное, имелся – Пётр Антошкин. Он в отличие от Алексея Алексеевича, «пысатэла» (так с натушной иронией Домашнев сам себя порой именовал), действительно стал писателем. Начинали они в юности вместе, ходили в одну литстудию при молодёжной газете. Домашнев тогда ещё служил в армии, в барановском гарнизоне (попал сюда из Сибири), приходил на занятия со своими первыми рассказами в военной форме. Заканчивая службу, Домашнев подал документы в местный пединститут, поступил, да так и остался здесь, в Баранове. После окончания учёбы попал в аспирантуру, защитился, пробился в доктора-профессоры, заведует кафедрой в бывшем своём пединституте, превратившемся в университет, а творчество, писание рассказов и повестей осталось для него занятием на досуге. Но две книжечки издал – приобшился.

А Пётр, друг-писатель, давно перебрался в Москву, живёт за пятьсот вёрст, так что видятся они раза два-три в год, не чаще. А дружба, как известно, требует-жаждет ежедневного общения. Но, действительно, так получилось, что ближе запятысотвёрстного Петра человека у Алексея Алексеевича не было – только с ним он мог быть вполне и более-менее откровенным. А вообще говоря, с мужиками ему было скучно (темы: пьянки, гулянки, бабы, политика, футбол, анекдоты – тьфу!), с женщинами дело обстояло ещё хуже: без секса они ему были не интересны, а сексом он мог заниматься только по любви или хотя бы по влюблённости (почувствуйте разницу!). Такой вот урод! Ему уже пятьдесят, а он ни разу в жизни не пробовал проститутку, никогда не платил денег женщине за *трах-тибидох*. Как говорит один из его героев в давней повести: если при оргазме не теряешь сознание – к чему тогда трахаться? А другой ещё образнее поддакивает: если от поцелуя голова не кружится – к чему тогда целоваться?

Нет, бывали у Домашнева, что называется, случайные связи, особенно подшофе, но в момент сближения с малознакомой партнёршей он всегда и каждый раз был уверен, что встретил, наконец, её, ту самую, с которой предстоит ему долгое сладкое счастье разделённой любви... Самообманывался конечно дурил самого себя. И наутро, как правило, вместе с похмельем терзало его раскаяние за напрасные поцелуи, ласки, фрикции, разбрызганную зря сперму, и, само собой, – страх перед какой-нибудь венерической заразой, который точил потом его сознание несколько дней.

И ещё немаловажный штрих: обычно и чаще всего на этот самый *трах-тибидох* соблазнял не Алексей Алексеевич, а – его. Он вообще-то страшно закомплексованный и неуверенный в себе человек, так что первый шаг самому в сближении с женщиной сделать ему всегда было невероятно тяжело и мучительно. Но, надо признать, поддавался на соблазнения он довольно легко. И, как правило, женщина (девушка), положившая на него взгляд, хорошела-расцветала для него прямо на глазах, так что уже в момент жарких поцелуев и предварительных ласк он почти на все сто процентов уверялся, что уже влюблён, уже счастлив, уже вытащил свой билет в лотерею любви. Чуть-чуть из другой оперы, но всё равно можно вспомнить классические строки к случаю: «Ведь обмануть меня несложно, я сам обманываться рад...»

Стоит упомянуть для торжества истины, что жила немало лет в судьбе Домашнева ещё Маша, при мысли-воспоминании о коей сердце его каждый раз сладко притискивало, и редкие её звонки, письма, а в последнее время и мэйлы явно убыстряли кровоток в его организме, но с Машей он в последний раз виделся уже более трёх лет назад, так как обитала она теперь страшно далеко – в Америке...

Итак, понятно, что Алексей Алексеевич Домашнев в свои пятьдесят был глобально, тотально и хронически одинок. Все пять (или сколько там) миллиардов человеческих особей, обитавших вместе с ним на земном шарике, были для него абстракцией, условностью, тенями. Рядом (в пространстве) только три души обретались: старый рыжий кот Фурс (по человеческим меркам – старичок лет 70-ти), тёща, Пелагея Петровна, уже совсем больная, не встающая с постели, и крашенная хной жена, Дарья Николаевна (она преподавала литературу и русский язык в лицее), с которой вековали они под одним потолком чаще всего в разных комнатах двухкомнатной квартиры, словно в коммуналке. Жар страсти, любви, влюблённости давно прошёл-растворился (почти тридцать лет уж вместе – поженились ещё в аспирантуре!), остались привязанность, привычка совместной жизни и, в часы обоюдного хорошего настроения, – ровная нежность. Доходило порой дело и до объятий-поцелуев, но, увы, всё реже и реже. Дело катилось к тихой спокойной совместной старости.

Впрочем, Алексей Алексеевич о старости даже и думать не желал, бодрился: по утрам зарядочку делал, на дачу ездил-гонял на велосипеде, с первым же снегом лыжи с антресолей доставал, в еде был умерен, живот не распускал (одежду носил 48-й номер), ещё пятнадцать лет тому бросил курить, а последние три года и сухой закон сам для себя объявил – спиртного в рот не брал ни капли (до этого же ох как употреблял во зло!). К тому же природа явно благоволила Домашневу: выглядел он значительно моложе своего возраста, старался и одеваться помолодее – джинсы, куртки, майки, свитера, а галстук напяливал только в исключительных случаях, что не очень-то нравилось коллегам-профессорам (особенно – профессоршам) старорежимной закваски. Зато Домашнева нередко ещё на улицах и в транспорте городском именовали-величали «молодым человеком». Надо признать, такое обращение слух Алексея Алексеевича ласкало, но голову особо не кружило: на молодых женщин, а тем более девочек-студенточек он поглядывал в последнее время уже, можно сказать, чисто *эстетически*. Он и в молодости уж шибко рьяным донжуаном не был, а с годами и вовсе ему скучно стало тратить время на мимолётные романы-приключения, ухаживания-волочения, влюбиться же опять по-настоящему, горячо и пылко, как в свою Дарью в молодости или позже в Машу, никак что-то не вытанцовывалось.

Как вдруг случилось ЭТО...

В судьбе, наверное, каждого человека бывают периоды, когда события начинают накачивать-обрушиваться одно за другим штормовыми волнами, словно испытывая – выдержит ли он такое ускорение, такое взвихрение ритма повседневной жизни и напор перемен? Вот у профессора Домашнева подобное и началось в середине прошлого года. Алексей Алексеевич работал ещё в техническом университете. Сначала появилась в его повседневности Оля. Он, конечно, давно мечтал занять *настоящую* любовницу, то есть такую, с которой встречался бы тайно и регулярно, которая ласкала бы его, лелеяла и любила, но не требовала бы от него ничего серьёзного – жениться, допустим, на ней или подарить ей ребёнка... Ведь вот читаешь всякие романы-повестушки или киношки-видео смотришь: блин, ну у каждого нормального женатого мужика есть на стороне такая милая любовница – где они только их берут-откапывают? Но вот Бог, видно, услышал и Алексея Алексеевича тайные мечтания.

Дело в том, что на кафедре русской литературы, коей он заведовал, работала одна очень милая женщина лет сорока, Ольга Львовна. Она была доцентом, кандидатом наук, работала над докторской – что-то там по Евгению Замятину. Во-первых, у неё были дивные глаза. Не глаза – очи! Прозрачно-голубые, бездонные, таинственные. У неё были шикарные губы – пухлые,

чувственные, манящие. Да и вообще она была более чем привлекательна и даже чуть наметившаяся полнота фигуры не портила общее впечатление. А уж сколько прелести добавляли ей мягкая плавность движений-жестов, таинственная молчаливость, грудной мелодичный смех и застенчивость, заставляющая её краснеть от самых безобидных шуток. Определённый шарм этой обаятельной женщине придавал и её статус матери семейства: у неё имелись два совсем взрослых сына, дочь-подросток и муж-профессор (он работал на физмате) – совсем уже старый козёл, ровесник Фурса. Оля выскочила за него, своего преподавателя, в восемнадцать, будучи студенткой и влюбившись без памяти. В то время тридцать лет разницы в возрасте только добавляли жара в их отношения. Теперь же дряхлый муж все оставшиеся силы тратил на ревность. Он беспрестанно грозился её убить в случае супружеской измены. Будь его воля, этот стрекозёл не задумываясь надел бы на свою жену средневековый стальной пояс верности и запечатал-замкнул на три-четыре запора. Оля после работы сразу спешила домой, в выходные если и могла отлучаться, то не далее чем на рынок да в магазины. Лишь изредка позволялось ей сходить на два-три часа в гости к подруге, чем они с Алексеем Алексеевичем потом и пользовались...

А началось у них так. Он искал её взгляда, но она поначалу упорно старалась не замечать его робкого внимания. Потом, постепенно, их взгляды время от времени начали пересекаться. Ухватил он и спрятал в памяти одну её ласковую улыбку, другую... Но ни о чём *материальном* он поначалу, наверное, и не думал. Уж до того она была стыдлива, некоммуникабельна и тиха. Однако однажды, в самом начале сентября, когда начался новый учебный год, после первого заседания кафедры они с Олей каким-то чудом остались в помещении одни. Она подошла к подоконнику взять свою сумочку и – загляделась в окно, на играющие всё ещё зелёными листьями деревья. Алексей Алексеевич закончил какую-то запись в блокноте, закрыл кейс, собрался уже сказать ей «до свидания» в спину и уйти, но вдруг вместо этого оставил дипломат на столе, подошёл, почти подкрался к Оле и по какому-то толчку-наитию с гулко забившимся сердцем положил руки ей на плечи. Он сам себе не верил, что решился на это. И тут же напряжился-напрягся: сейчас так шуганёт-отмажет, что мало не покажется! Но Оля молчала. Он почувствовал, как она тоже напряглась, замерла. На ней была кофточка с округлым вырезом. Он, совершенно уже пьянея, продвинул правую руку на её шею, к горлу, скользнул в вырез и накрыл горячей ладонью грудь поверх лифчика...

Если бы в этот миг Оля дёрнулась, вскрикнула, отшатнулась – он бы тут же, сгорая от стыда, бросился вон и дня три не показывался на работе. Она молчала. Она ждала. И тогда он уже увереннее и настойчивее проник пальцами под скользкий атлас бюстгальтера, почувствовал-ощутил сладкую мягкость соска, прижался губами к её шее.

– Нас увидят, – тихо, почти шёпотом сказала Оля.

Напротив окна высились глазастые этажи другого учебного корпуса.

– Да кому мы нужны! – нетерпеливо отмахнулся он, но всё же увлёк Олю под защиту простенка, повернул лицом к себе, жадно впился в её рот. Губы её разомкнулись, без сопротивления впустили его язык и его желание...

Полтора месяца после этого они *дружили*. Как школьники. Неподалёку от университетского городка пряталась в тени деревьев маленькая, тихая, совершенно безлюдная улочка с двухэтажными старыми домами и скамейками во дворах. Алексей Алексеевич с Олей, улучив время, уединялись там на полчаса – разговаривали, целовались. Ему позволялось проникать рукой под лифчик, иногда запускать почти контрабандой пальцы и под юбку...

Вскоре он понял-осознал: затянись такая подростковая дружба-любовь надолго, он точно станет импотентом – мужское его здоровье явно не выдерживало хронического соблазнительного напряжения. Порой, мелькали у него ну очень скромные мысли-желания, когда он глядел на пухлые губы Оли: так хотелось-мечталось расстегнуть ремень или хотя бы ширинку...

Но Алексей Алексеевич даже боялся додумывать: уж наверняка тихая Оля и оральный секс – *две вещи несовместные...*

По вечерам, ровно в девять, когда её муж традиционно усаживался перед ящиком к программе «Время», Домашнев с Олей успевали несколько минут пообщаться-поговорить по телефону.

Идиллия!

Первого октября ему удалось найти-снять однокомнатную квартиру – в прекрасном месте, на Набережной, и за вполне приемлемую цену: тыща деревянных в месяц. Самое замечательное, что в квартире имелся диван-кровать (старенький, скрипучий, но – всё же). Алексей Алексеевич уплатил вперёд за полгода и поспешил к Оле в радостном предвкушении: ну вот и близок час улады!..

Куда там! Ещё целых две недели ему пришлось упрашивать, уламывать, умолять Олю решиться на небывалый для неё подвиг – изменить наконец давно опостылевшему благоверному. Алексею Алексеевичу потом не хотелось даже вспоминать их первое *настоящее* свидание – до того всё было скованно, конфузливо, неловко, напряжённо, нелепо и даже смешно. На второе их randevu через две недели (раньше Оле никак не удавалось ускользнуть из дома хотя бы на пару часов) он догадался купить бутылку хорошего молдавского вермута, так сказать – мартини местного разлива ёмкостью 0,7 литра и крепостью 16 градусов. Хотя сам Домашнев уже три года как не пил ни капли, но рассчитал верно: Оля вино обрадовалась, с охотой тут же опорожнила один бокал, второй, закусила бананом (она страшно любила бананы, и Алексей Алексеевич, надо признать, чуть не дрожал, видя, как обхватывает она покрашенным ярким ртом сей неприличный плод...)

И вскоре случилось-произошло то, от чего Домашнев едва не потерял сознание. Когда после первого, уже почти вполне *нормального* соития они отдохнули минут двадцать и накатил волна новых поцелуев-прелюдий, Оля вдруг скользнула губами вниз, обцеловала-обчмокала его шею, грудь, пупок и, устроившись щекой на его животе, решительно обхватила своими божественными мягкими губами его ошалевшего от перенапряжения «Василия» (так Домашнев сам именовал своего *дружка*). Алексею Алексеевичу в позвоночник словно горячую иглу медленно ввели, взвихрив волну сладкой муки. Он видел лишь затылок Оли, голова её почти не двигалась. Он не успел толком осознать происходящее, как почувствовал приближение взрыва.

– Оля! – хрипло вскрикнул он. – Всё! Хватит!..

Он даже попытался слабой рукой отвести-отклонить её голову от своего тела, но Оля, не поддавшись, ещё сильнее приникла к нему, с каким-то радостным вздохом-стоном довела дело до конца и ещё с целую минуту не отнимала губ, впитывая всё до последней капли. Потом по-детски вытерла губы тыльной стороной ладони, снизу вверх глянула смущённо на Алексея Алексеевича и с блаженным смешком призналась:

– Я сегодня весь день об этом думала!..

Она, видимо, хотела сказать «мечтала», но не решилась и, окончательно зардевшись, зарылась лицом в его грудь.

С той поры жизнь Алексея Алексеевича устаканилась. Он был вполне, на все сто, счастлив и удовлетворён – во всех смыслах. С Олей они дважды в месяц встречались-миловались на квартире, а в промежутках она раза два-три заглядывала в удобное время к нему в «офис», они закрывались на замок, и наступали-накатывали полчаса блаженного кайфа...

Живи и радуйся!

* * *

Казалось, о чём ещё мечтать-то?

Везучий любовник Алексей Алексеевич Домашнев жёг в райской эйфории золотые дни осени, наивно и самоуверенно полагая, что уж счастливее, наверное, никогда ему не бывать. Как вдруг...

Вот именно – вдруг.

Ему неожиданно предложили перейти в его альма-матер – гуманитарный университет – и возглавить там кафедру истории русской литературы. Алексей Алексеевич ни секунды не раздумывая согласился. Ему давно уже было тесновато среди технарей, к тому же на филфаке БГУ у него имелись вполне добрые приятели и единомышленники.

Вскоре после того, как Алексей Алексеевич огляделся-освоился на новом месте работы, и заглянул к нему как-то один из таких приятелей-единомышленников – преподаватель с отделения журналистики Опанас Тарасович Минутко.

– Алексей Алексеевич, – предложил он, – а давай-ка интервью с тобой в новогодний номер нашей факультетской газеты сварганим? Я к тебе дивчину прямо сейчас пришлю, Алину Латункину: она с третьего курса. Пишет, я тебе гарантирую, лучше всех. И стихи, между прочим. А – красавица!

Хохол Минутко так при этом закатил глаза и причмокнул губами, что стало ясно: несмотря на свои шестьдесят с лишним и лысину – он ещё о-го-го как равнодушен к слабому полу.

Через пять минут эта расхваленная Алина, постучав робко, предстала перед Домашневым. Он вспомнил, что видел-встречал её в коридорах, да и на лекциях обратил на неё внимание: девушка запомнилась тем, что как-то странно настойчиво засматривала прямо ему в глаза – даже до неловкости.

Сразу тут надо пояснить один парадокс, который Алексей Алексеевич ни раньше, ни впоследствии, когда пришла пора анализа и размышлений, осознать не мог. Эта 20-летняя Алина Латункина хотя и была довольно привлекательна, но не совсем в его вкусе: ростом почти с него (а ему нравились маленькие, миниатюрные), высветленные под соломку прямые волосы (а ему милы были шатенки и рыжие), круглое лицо, довольно пухлые румяные щёки (а он искал в женских лицах анемичной аристократичности), тонковатые губы... А вот что бесспорно ему сразу понравилось – карие (как у него самого!) глаза: не очень распахнутые, но живые, умные, с искринкой; да ещё – руки с тонкими музыкальными пальцами и безупречным маникюром.

Домашнев, оглядывая-оценивая, как ему казалось, беспристрастно внешность юной журналистки, совсем забыл в тот момент, что помимо отдельных черт и вообще внешности существует личность, суть человека и, наконец, его аура, *аромат* – именно то, что и определяет привлекательность-непривлекательность его, этого самого человека, тем более женщины, девушки. А тут ещё Алина эта произнесла первые слова: голос у неё оказался колдовским, тревожащим мужской слух – каким-то детским и в то же время бархатисто-призывным. Правда, уже тогда он подумал (или ему позже стало казаться, что он уже при первой встрече это подумал), что тем людям, кому Алина Латункина не нравится, в голосе её, вероятно, слышится *нахальная гнусавость*...

Алексей Алексеевич пригласил Алину в кресло у журнального столика, сам устроился в другом, создавая непринуждённость обстановки, предложил минералки, начал отвечать на вопросы. Девушка поначалу явно робела, говорила еле слышно, но смотрела на него, распахнув глаза, с какой-то, даже можно сказать, поволокой. Домашнев вдруг понял, что и сам чувствует себя не совсем ловко. Что бы это значило? Ха, уж не коленки ли этой Алины тому причиной? Она была в тонком белом свитерке и клетчатой расклешённой юбке, которая ну очень открывала взгляду её чёрные колготки... У Алексея Алексеевича мысль шальная в голову впорхнула: протянуть бы сейчас руку через столик да как бы невзначай положить на аппетитную коленку-то... Он даже с разговора сбился и, вероятно, покраснел.

После интервью Алексей Алексеевич проводил девушку до дверей и – забыл. Но в понедельник она принесла показать то, что у неё там получилось. Алексей Алексеевич, сидя за своим громадным столом, чиркал изредка по распечатке интервью карандашиком (правки было немного) и раза два вынужден был оторваться, глянуть на сидевшую в том же кресле

Алину. Она была на этот раз в джинсах, так что и непонятно, зачем надо отрываться-взглядывать (тем более, что накануне Домашнев встречался-свиданился с Олей, чувствовал себя сыто и блаженно). Может, из-за того, что уставилась опять на него в упор своими карими блестящими глазами и так странно смотрела?..

Когда Алексей Алексеевич вернул Латункиной листки с интервью, похвалил и собрался окончательно расстаться-распрощаться, та вместо того, чтобы уйти, начала мяться, розоветь и спросила наконец, мол, не согласится ли он взглянуть на её курсовую работу по Достоевскому?

– По Достоевскому?! – удивился он.

– Да, по Достоевскому!

Домашнев взглянул на Латункину уже с неподдельным интересом: он сам был достоевсковедом, да и не каждый день даже в университете встретишь двадцатилетнюю девчонку, пишущую об авторе «Бесов».

На следующий день она принесла свою статью-исследование под названием «Достоевский-редактор: концепция журнала “Время” в контексте времени». Что ж, оказалось весьма любопытно. Само собой, были и наивности, и просто ошибки, Алексей Алексеевич добросовестно прошёлся карандашиком по тексту, Алина исправила-доработала и опять принесла...

Короче, студентка 3-го курса Алина Латункина стала периодически, если не сказать – довольно часто, заглядывать в рабочий кабинет завкафедрой истории русской литературы профессора Алексея Алексеевича Домашнева. Достоевский Фёдор Михайлович сближал их всё больше и больше. Выяснилось, что Латункина только-только начала его изучать, ещё даже не все романы прочитала. Всё было невинно и пристойно. Тем более, что Алина постоянно скромно упаковывалась-пряталась в свитера и джинсы. Один раз их застукала Ольга Львовна (заскочила на свидание), но и та лишь вскользь потом пошутила: дескать, что это за молодые да длинноногие девочки к тебе в гости заходят? Домашнев тоже отшутился. Но про молодых и длинноногих шуточка в сердце запала – понравилась.

А 29 декабря всё и началось-случилось...

Алина заявила в таком платье, что Алексей Алексеевич сначала и смотреть на неё не мог – натурально стеснялся. Ещё бы! Руки-плечи полностью обнажены, ложбинка глубоко открывается в невозможном вырезе, явно видно, что лифчика и в помине нет, а ноги в прозрачных колготках до того выставлены, что и понять невозможно: там, под мини-подолом, что-нибудь ещё осталось? «Уж наверняка она в стрингах!», – мелькнуло несуслазное в сразу воспалившемся мозгу Домашнева. Он до того взбудоражился, что и про завтрашнее *настоящее* свидание с Олей, о котором только что неотрывно и с жаром думал – тут же напрочь позабыл.

Алина свой нескромный наряд объяснила тем, что сразу после занятий идёт на вечеринку к друзьям (она, бравируя, сказала – «пьянку-гулянку»), ведь уже новогодние праздники начались. Алексей Алексеевич и сам не мог потом себе объяснить и даже вспомнить подробности – как так получилось, что уже вскоре он держал в своих руках левую ручку Алины и, кося под хироманта, якобы разбирался в её линиях жизни и судьбы, чувствуя, как гулко колотится его сердце, и стараясь краем стола прикрывать встопорщенные брюки. Несмотря на сумятицу в мыслях, он понимал-чувствовал, что катится не туда, что надвигается нечто невероятное, фантастическое, страшное своей запретностью и в то же время притягательное, пьянящее и неостановимое. Он, не выпуская горячей руки Алины из своих ладоней, заглянул её в глаза, да что там в глаза – в самое душу, и неожиданно для самого себя сказал-простонал:

– Господи, между нами тридцать лет разницы! Это не-воз-мож-но!..

Алина молча и напряжённо смотрела на него, встала, как бы потянула-пригласила к себе, он тоже вскочил, сделал два шага, огибая стол, приблизился, положил потные ладони на её открытые плечи, коротко вздохнул, как перед прыжком с вышки, и прижался пересохшим ртом к её губам...

* * *

На первом же свидании (а случилось-произошло оно уже вскоре, на Рождество) Алина поразила, да что там поразила – просто шокировала Домашнева своей откровенностью, распахнутостью. Сыграла свою роль, разумеется, и бутылка полусладкого «Букета Молдавии» (опыт с Олей не пропал даром!) – Алина с удовольствием прикладывалась к бокалу, который Алексей Алексеевич не забывал наполнять. Сам он остужал жар тела апельсиновым соком. Впрочем, остудить не мог. И, боясь *перегореть*, рискуя тут же напрочь всё испортить, уже через полчаса и без всякой подготовки (они даже не поцеловались!) предложил: может, им раздеться и забраться в постель? Проговорил он это гнусное, с точки зрения морали, предложение, несмотря на внешнюю браваду, дрожащим голосом, сам готовясь первым же развязно рассмеяться.

– А что, есть постель? – как-то наивно спросила Алина, окидывая взглядом диван, и жадно опять глотнула из бокала.

Алексей Алексеевич вскочил, молча с грохотом разложил диван, кинулся к шкафу за постельным бельём, с сожалением подумал, что надо было свежие простыни-наволочки купить, а то эти Олей пахнут, застелил, обернулся. Алина уже стояла обнажённая, в одном лифчике, с заведёнными к лопаткам руками. Освободилась-выскользнула плечами из бретелек, смущённо прикрыла груди ладошками и нырнула в постель, укрылась одеялом до подбородка, закрыла глаза. Домашнев очнулся от столбняка, начал рвать с себя одежду, путаться в подтяжках и пуговицах, еле-еле разоблачился, скользнул под одеяло...

Не всё, конечно, было поначалу о'кей – суеты много, смущения, неловкости, боязни опарафиниться...

Потом они лежали, чуть успокоенные, накрывшись одеялом, вот на Алину в это время и накатила-нахлынула волна откровенности. Всё без утайки рассказала-исповедалась: и как в 12 лет с каким-то мальчишкой-одноклассником в ванне мылась – просто так, из любопытства; и как совсем недавно они целой студенческой группой вместе ходили в сауну – опять же для прикола: поглазели друг на друга, под душем голышом поплескались; и как подружилась в 14 лет с Тимой, Тимофеем Чашкиным, своей первой любовью, как через год стала женщиной (тоже больше из любопытства, да и Тимка очень настаивал), как ездили они вместе к морю после десятого класса и жили там десять дней по-настоящему супружеской жизнью, но со временем она, Алина, поняла-осознала, что больше не любит Тиму, и вот уже целый месяц, как дала ему от ворот поворот, но он до сих пор не даёт ей прохода, а она ждала-верила, что встретит-таки настоящую любовь. И тут же добавила нечто совсем уж неожиданное и офигенное: мол, анальный секс ей в принципе не очень по душе и оральный она предпочитает не до конца – это, по её убеждению, можно позволить только с очень и очень сильно любимым человеком...

Алексей Алексеевич только хмыкнул про себя: спасибо, что предупредила!

Потом Алина поведала, как впервые узнала-услышала фамилию Алексея Алексеевича – дома ещё лет в десять: отец её, оказывается, купил книжку Домашнева (первую – сборник исторических рассказов «Осада крепости») и читал по вечерам вслух своим детям. И она помнит, как папик уважительно сказал-подчеркнул тогда, мол, писатель этот замечательный живёт в одном с ними городе – родимом Баранове. Через пять лет предок Алинин и вторую книжку Домашнева купил-притащил – повесть «Любовь Достоевского». Эту уж сама она взахлёб прочитала, перечитала и чуть ли не под подушкой хранила-берегла. И вот она узнала, что он, этот

замечательный, перешёл работать в их универ из технического и стал – живым, реальным и таким симпатичным, милым. Одним словом, она всё думала, думала о нём, смотрела, смотрела ему в глаза на лекциях, специально в коридорах сталкивалась...

Далее в речах Алины не всё можно было однозначно понять («Букет Молдавии» явно сказывался), Домашнев, правда, один очень для него существенный момент выяснил: кроме этого часто пьяного и туповатого, по её словам, Тимы, в её жизни мужчин не было. Тут к месту или не к месту вспомнился Домашневу анекдот, что, мол, когда женщина уверяет, будто вы у неё второй... Хотя какие тут к чёрту анекдоты! В любом случае – это сказка, это фантастика! Он, Алексей Алексеевич Домашнев, лежит в постели с двадцатилетней красивой девчонкой, и она явно с восхищением на него смотрит, и уже сама тянется к нему с поцелуем, и уже божественные её груди встопорщенными от страсти сосками томят-волнуют его ещё о-го-го какое крепкое подтянутое тело!..

Финал этого стрёмного вечера оказался чуть смазанным. Алексей Алексеевич обнаружил, что по часам давно уже вечер, начал торопливо одеваться. Ссоры-скандала с Дарьей своей Николаевной ему совсем даже не хотелось, а она терпеть не могла, когда он возвращался домой поздно. Алина вдруг взбунтовалась. Она сбросила с себя одеяло, раскинула совершенно неприлично согнутые в коленях ноги, начала ласкать-оглаживать свою «Маню» и капризным тоном просить:

– Ну не хочу я домой! Давай ещё полежим! Ну дава-а-ай! Я праздника хочу!..

Домашнева даже покорило. Девчонка явно опьянела.

– Алина, будь благоразумной, – кротко попросил он. – Уже поздно. Нам надо идти. Одевайся.

Ни в какую! Не пойду никуда, заявила, и всё! Алексей Алексеевич даже раздражаться начал и про себя подумал: «Ну-у-у, милая, мне такие фокусы совсем ни к чему! Больше никаких свиданий!..» В довершение Алина, когда всё же поддалась на уговоры, выбралась из постели и начала одеваться, то присела зачем-то на стол и сломала-раздавила очки Алексея Алексеевича. Но и на этом приколы не кончились: уже на остановке, где тусовалась довольно приличная толпа, девчонка взялась теревить Алексея Алексеевича за отвороты куртки и чуть не в полный голос признаваться в любви и канючить-требовать:

– Я люблю тебя! Слышишь? Ну скажи, что ты меня любишь! Ну скажи! Мне это важно!..

Ни хрена себе! Еле-еле усадил её в троллейбус, довёз-довёл до дома...

Да кто бы мог убедить-уверить в тот вечер Алексея Алексеевича, что уже через день они опять встретятся с Алиной, причём хотя инициативу (по телефону) проявит и она, но он согласится в момент, ни секунды не ломаясь. Они чинно погуляют по зимнему пригородному лесу, затем опять уединятся в квартире, но будут, опять же, чинно и даже чопорно пить чай-кофе, беседуя о литературе, ибо Алина сразу же откровенно созналась-предупредила, что у неё, как она это мило именovala, «открылся крантик», а в такие *критические* дни она категорически секс не приемлет...

Но как-то так вскоре получилось, что они устроились на диване, брюки у профессора Домашнева оказались расстёгнутыми и спущенными до колен, сам он тут же впал в полубессознательное состояние, стараясь из последних сил решить дилемму: самому прервать *оральное* блаженство в последний момент или она сама это проконтролирует-сделает?..

Именно с этого вечера Алексей Алексеевич начал погружаться в то наркотическое состояние духа, в каковом пребывал-плавал последующие полгода, совершенно почти потеряв чёткое представление о реальности. На него словно морок наслали. В первые дни он даже встревожился. Попытался сопротивляться. По крайней мере хотел претворить в жизнь свой довольно циничный план под условным названием «Гарем», то есть попеременно встречаться и с Олей, и с Алиной. И ему даже удалось ещё разок пообщаться с Олей на квартире, устроить свидание, но это было до того натужно, натянуто, *лишнее*, что даже бедная Ольга Львовна это почувство-

вала и была грустна, молчалива, обидчива. Когда в следующий раз она позвонила Домашневу и радостно сообщила, что на завтра отпросилась у мужа к родственникам в деревню и они с Алексеем Алексеевичем утречком на пару часов могут встретиться, он, давясь и мучаясь, сообщил *с огорчением*, будто хозяин квартиры потребовал срочно её освободить и уже ключи забрал.

С этого момента Оля из жизни Домашнева исчезла, словно её и не было. Раза два они потом столкнулись-встретились на улице, случайно, но Алексей Алексеевич оба раза отвернулся, увёл взгляд в сторону, покраснел, шмыгнул по-мальчишески мимо. Ольга Львовна тоже заговорить, заглянуть ему в глаза и даже поздороваться не попыталась – проходила мимо с каменным лицом и поджатыми губами. Домашнева, конечно, мучила-терзала совесть, но...

Оля исчезла из его судьбы.

И сам он как бы исчез из жизни, из реальности, из повседневности. По крайней мере подробности всего того, что происходило потом – он мог восстановить в памяти только по email-переписке с Алиной: благо, компьютер дома у неё был-имелся, и Домашнев в первые же дни подтолкнул её купить-установить модем и подключиться к Интернету.

2. Коитус

Алексею Домашневу, 17 января, 18:10

Здравствуй!

Вот и состоялся мой дебют в номинации «суррогат общения». Если честно, не знаю, о чём писать, надеюсь, что ты всё равно думаешь обо мне... Очень беспокоюсь о твоём здоровье... Сегодня надела (повторяю, НАДЕЛА, а то опять замечание сделаешь!) маленькие золотые серёжки и, по-моему, стала совсем маленькой... Я знаю, что ты не любишь, когда я маленькая, поэтому не буду больше разводить «нюни»... Бла-бла-бла... Хочется верить, что эта улыбка-смайлик :-)) не разозлит тебя (как обычно тебя злит моё хорошее настроение)... Не пропадай, человек Достоевского!

ТВОЯ Дымка...

P. S. Забыла самое главное – я постоянно думаю о тебе!!!

Aline, 18 января, 9:36 (А тема?)

Алина, милая!

Чудом сохранил и прочёл твой первый (исторический!!!) мэйл! Во-первых, имя отправителя совершенно зашифровано; во-вторых, не обозначена тема (сэбж); в-третьих, ни словечка в самом мэйле; в-четвёртых, вложенный файл не имеет имени, а только подозрительную цифирь... Короче, подобные письма в Инете, как правило, рассылаются хакерами-хулиганами и напичканы вирусами. Я (как любой юзер) удаляю их, не раскрывая. Но у меня, на наше с тобой счастье, мощный антивирус, так что я вчера от нечего делать вложение сохранил (и забыл о нём), а само письмо удалил. И вот сегодня после разговора с тобой еле-еле всё восстановил.

Короче, Дымка моя (а почему – Дымка?), начинай соблюдать правила инет-общения, пиши НОРМАЛЬНЫЕ мэйлы (по форме) и ЛАСКОВЫЕ, НЕЖНЫЕ (по содержанию). А вообще, поздравляю тебя с началом нашей виртуальной... дружбы.

Дядя Лёша.

Алексею Домашневу, 21 января, 23:22 (Tet-a-tet.)

Алексей!

Приходит в голову фраза: не будь ничьим лозунгом, потому что ты – поэзия! Подумай об этом! Потому что ты действительно поэзия, моя поэзия... А с дядей Лёшей и нравоучениями ты переборщил, лучше бы по делу что-нибудь написал. Ладно, время уже позднее, а мне так хорошо и грустно одновременно. Не забывай, что я уже бабочка, а не гусеница, твоё чудо, а ты – мой маг. В общем, Дымка в лёгком сплине. Жду, жду, жду... Не хочу быть попрошайкой, побалуй меня хоть чуть-чуть. Помни, что Дымка уже готова раствориться в твоём тумане. Будет только – мы: сладкое, нежное, бесконечное...

ТВОЯ.

P. S. Дымка – это мой ник для самых близких мне людей.

Aline, 22 января, 8:03 (Ты – чудо!)

Алина, Дымка, спасибо!!!

И – за поэзию! И – вообще! Ты – чудо, помноженное на бесконечность изнурительного желания моей души в бореньях с низменными плотскими страстями... (???!!!!?)

Считай, что это выплеснулись из меня такие вот тоже «стихи».

Буду сейчас засыпать и ДУМАТЬ о тебе!

До встречи (уже почти сегодня)!

Целую.

Aline, 24 января, 23:20 (Где же ты?!)

Дымка, где же ты??!

Мне почему-то очень стыдно (и тревожно!) за то, что не проводил тебя до дома!!!

Алексею Домашневу, 25 января, 7:40 (Бред на заданную тему.)

Привет, мой родной человечек! Мой Лёша! Знаешь, единственный способ оставаться между небом и землёй – лететь, и я лечу: не это ли называется счастьем? Ты, наверное, улыбаешься, читая мои бредовые умозаключения-искания. Да, ломать себе голову я привыкла всякой софистской алетейей (извини за научно-студенческий выпендрёж). Когда-то я написала такие строки:

*Я скучаю среди людей,
лишь в твоих небесах мне жить.
Без тебя, без твоих дождей
высыхает река души.*

Поясняю. Не тебе мне писать об этом, но я всё же рискну: в литературоведении в стадийности сюжета есть архиважное слагаемое – кульминация; и есть всё, что до неё – бла-бла-бла (экспозиция, завязка, развитие действия с интригой...) Так и в моей жизненной сюжетности есть жизнь до тебя (бла-бла-бла) и жизнь с тобой, для тебя (кульминация меня – наивысшая точка меня).

Вернёмся к стихотворению – оно было написано до тебя, но сейчас я понимаю, что для тебя, о тебе, о нас. Некое послание из прошлого, предчувствие. Помнишь, как у Блока: «Предчувствую тебя...» В общем, «ты прости меня, малыш, ду-ду-ду-ду-ру, если любишь, то простишь...» за всю эту ахиною.

Признаюсь честно, пишу тебе я всё это после нашего субботнего вечера, то бишь ночью (на моих соломенных – 23:35), но отправлю завтра. Если отбросить весь мой мысленный онанизм и оргазм, набрать воздуха в лёгкие больше, чем необходимо, то всё мое вундеркинд-письмо сводится к одной-единственной фразе из четырёх слов – Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ!!! И, пожалуйста, отнесись к этой фразе серьёзно, я в неё вкладываю очень и очень много всего – себя, себя и ещё раз себя!

Так, вроде бы всё, что я хотела тебе написать – написала. Вот теперь пора баиньки. Сейчас НАдену (!) пижамку с рыбками (неприменно с оголённым пупочком), стану опять маленькой девочкой, сожмусь в маленький комочек и с мыслью о тебе засну сладким, крепким-крепким сном. Так, это уже прелюдия email-секса какого-то! Хотя мне очень хочется тебя, чтобы ты был во мне (да здравствует цифра «4» – самая лучшая цифра на свете!.. Хотя, признаюсь, и «3» была сегодня прекрасна!)

Ладно, всё, больше не буду – представляю, как ты гримасничаешь сейчас! Согласна, про «был во мне» – это слишком. Ты тоже должен кое-что мне прощать в силу моего зелёного возраста! В общем, зацелую при встрече!

Твоя Дымка (с Маней на пару – ха-ха-ха!). Прости, сам понимаешь, настроение грустно-игривое (прямо оксюморон какой-то). Завтра, наверное, внутренний климат будет другим, но отошлю тебе письмо завтра. Почему? Не знаю...

До следующей нашей встречи!

Очень жду.

Aline, 25 января, 9:20 (Ого!)

Алина, милая! РОДНАЯ!

ТАКИЕ письма надо засылать вечером, ближе к ночи!

А с утрешка (да ещё в перерыве напряжённой работы) читает дядя Лёша ТАКОЕ послание и – натурально цифра «4» во всей своей красе, во всём объёме и со всеми последствиями... (В следующий раз будет тебе четыре и даже пять – готовься!)

А если серьёзно: если б ты сейчас была рядом, я б зацеловал тебя до полуобморока (твоего или моего)!.. И Маньке бы досталось!..

Жди и помни меня ду-ду-ду-рака (вернее – Овена)!

А.

Моему Лёшеньке, 25 января, 13:08 (Спасибо, что ты есть!)

Любимый мой, доброго тебе дня!!!

Вчера вечером я не отправила тебе свой пламенный привет потому, что думала – всё равно прочитаешь на следующий день, а эмоции прямо-таки захлёстывали. Однако цифра «4» меня до сих пор не успокаивает. Всё время думаю о ней, точнее о тебе... Вспоминаю, как ты ко мне прикасаешься, и... дрожь по коже. Интересно, что ты сейчас, в данную минуту делаешь? Если я сегодня не дотронуся до твоей кожи, хотя бы до рук – вечер будет мучительным, но ласками made in Алина Наумовна заниматься не буду! Или ты, или вообще никто! Да, я такая, Лёшенька! А вообще, повторить бы вчерашний вечер... Спасибо за твой ответ, он меня греет не меньше, чем твои поцелуи (это я так себя успокаиваю). Знаешь, я никого так не любила, как тебя, правда, язык позвоночный спины до сих пор помнит тебя, твои прикосновенья... Сейчас уже час дня, а я всё ещё твоя, и ты во мне, я это очень сильно ощущаю. Может, мы уже биополями-радарам крепко зацепились, и разорвать эту связь невозможно. Как замечательно, что я сегодня тебя увижу и, может быть, мы куда-нибудь сходим (это уже намёк!) – в кафе или просто погуляем. Мне нужно на тебя наглядеться. Сфотографировать всё до мелочей. Словом, я схожу с ума. Жду вечера до судорог (думаю, не надо объяснять – каких!). Люблю тебя больше жизни!

Дымка превратилась в густое облако эмоций, желания, томления...

Спаси меня!

Моему Лёшеньке, 25 января, 23:11 (Я только твоя!)

Доброй ночи, Лёшечка!

Я думаю, что ты понял – это был Тима. «Давай снова будем вместе и бла-бла-бла». До ужаса неприятно, отвращение какое-то! И как с этим человеком я могла быть столько лет вместе?! Прости, что я вынуждена была сегодня остаться с ним у подъезда для окончательных объяснений. Но даже своим появлением он не испортил мне этот незабываемый вечер, который ты мне подарил. Это самый лучший подарок! Мне очень больно осознавать, что ты ещё не понимаешь (или не хочешь понимать), что я по-настоящему ДУМАЮ о тебе, хочу быть с тобой, делить всё, что судьба преподносит нам! Если ты действительно захочешь связать со мной жизнь, я буду очень стараться сделать тебя счастливым! Такой ПОДАРОК я, наверное, ещё не заслужила в свои нелепые 20! Как я хочу быть твоей, войти в твою жизнь и заполнить её собой! Люблю, люблю, люблю!..

Спокойной ночи, моё драгоценное счастье!

Всегда твоя Дымка.

Мне очень бы хотелось, чтобы ты думал обо мне так же, как я о тебе...

Я буду на связи где-то до 00:10. Если зайдёшь позже этого времени, позвони! Буду ждать звонка. Люблю. Не волнуйся по поводу Тимы. Его нет в моей жизни, а есть ты! ТЫ, ТЫ и только ТЫ!

Ждущая Дымка.

Моему Лёшеньке, 26 января, 0:18 (Я всё ещё на связи...)

Ты что, роман что ли сочиняешь? Шучу. Если мы и не пообщаемся в Инете – желаю тебе сладких снов, мой милый и дорогой Лёша!

Целую крепко-крепко.

Aline, 28 января, 23:37 (Бред старого человека.)

Алина, здравствуй!!!!

Не общался с тобой уже два часа – соскучился! А вообще (как всегда, перехожу на кислоту), мы с тобой, может быть, чересчур много и жадно общаемся – как бы не перенасытиться??!

Я вот что подумал: может произойти-случиться так, что ты мне дашь понять и осознать ЛЮБОВЬ... Понимаешь? То есть, я сейчас благодаря тебе начал сомневаться: понимал ли я раньше, что это такое? Испытывал ли я ЕЁ? Испытывали ли ЕЁ ко мне? Я только одно могу сказать со всей определённою: ничего подобного в моей уже безобразно длинной жизни, кажется (КАЖЕТСЯ?), не было.

Учи, когда я окончательно растаю, разомлею, расслаблюсь, истончусь (кожей) и полностью доверюсь чувствам – ты ужаснёшься и отшатнёшься. Представь себе не очень молодого мужика – сюсюкающего, складывающего губы трубочкой и лепечущего нечто вроде: «Рыбонька моя! Кисонька! Золотце моё ненаглядное! Белочка! Стрелочка! Козочка! Розочка!..» И т. п., и т. д., и пр. Бр-р-р!

Целую тебя крепко-крепко! И – НЕ ТОЛЬКО тебя!

Если ты наведишь меня сегодня во сне – обещаю быть нежным...

P. S. А вообще, ты теперь поняла – с каким монстром, с каким моральным уродом связалась??? Бедная! И – прости...

Монстр.

(Теперь только так и буду подписываться!)

Моему Лёшеньке, 28 января, 23:58 (Прекрати!)

Вот это ты мне письмецо подкинул!!! «Монстр...», «чересчур много и жадно общаться...» Ничего тёплого выдавить из себя не можешь? Нет? Настроение ты на ночь испортить можешь!

Если ты решил, что чересчур, значит – чересчур. Тсссс! Тишина. Я умолкаю и растворяюсь в своих кричащих мыслях...

Уставшая Алина.

Aline, 29 января, 0:13 (Прости!)

Люблю!!!

Моему Лёшеньке, 29 января, 1:02 (Я тебя тоже люблю!)

Спокойной ночи, моя звёздочка!!!

Твоя Алина-Дымка.

Моему Лёшеньке, 29 января, 21:01 (Моему единственному!)

Мой милый! Давно обещала переслать стихотворение, которое я посвятила тебе, когда между нами ещё ничего не было. Я знала только одно: обязательно подарю его Алексею Алексеевичу на его день рождения. Просто кольнуло в сердце – вскочила с постели ночью (часа в два) и на ощупь карандашом в блокноте накарябала:

Весна растопила зимы леденец

*Весёлой капелью в ладони стекается.
Завидую тем, кто хандрой по весне
Не мается!*

Написала я это четверостишие после того, когда я узнала, что ты родился в апреле. Есть во всей этой истории что-то мистическое и мурашистое. Представляешь, кому-то было угодно, чтобы это стихотворение начало жить своей жизнью гораздо раньше НАШЕЙ истории. Наверное, внутренне, сама того не замечая, я созревала, присматривалась, открывала, восхищалась, пугалась... В общем, влюбилась и в твоих мрачных пещерах свой рай отыскала. Про пещеры я, конечно, утрирую – просто в тебе моё «я» живёт, и без тебя я уже не я. Да, заякалась что-то!

Я хочу и могу сделать тебя счастливым! Ради этого я и живу! Только прошу тебя, не смейся и не обвиняй меня в детскости и юношеском максимализме! Я действительно каждый день всё больше и больше растворяюсь в тебе... Не останавливай меня! Я хочу быть твоей! Моя любовь к тебе – ключ от счастья, и эту дверь мы откроем ВМЕСТЕ, а за ней нас ждёт... рай. Потерять его невозможно – он в нас... Так, опять я начинаю грузить тебя своими фило-софемами.

Лёшечка, любимый мой! Помни всегда, что ты для меня ВОЗДУХ, до нашего первого прикосновения я изо дня в день умирала рыбой в пустыне. Каждое утро просыпалась и понимала, что снова и снова умираю... Что ни день – поминки одной миллионной части души. Рядом с тобой я перерождаюсь: множусь, а не делюсь. И этот математический рай делает неотъемлемую часть моей жизни (скучную часть: учёба, пустые разговоры с разными людьми...) сладкой, потому что в эти минуты я думаю о тебе... В общем, я не перестаю говорить тебе спасибо за то, что ты есть, появился в моей жизни, вошёл в неё и стал ею!

Ещё чуть-чуть, и я совсем выйду из берегов своих мыслей, чувств... Ты прости меня, что пишу такое длинное письмо...

Люблю... Жду и всегда (каждую секундочку) ДУМАЮ о тебе! Мой, мой, мой, мой... – опьяняюще звенит в моей голове. Неужели ты мой?!!!!!!! Алексей, Лёша, Лёшечка... Я твоя, до самых атомов души, кожи, косточек...

Родная и милая Алина.

Aline, 29 января, 23:29 (Нет слов!)

Алина, милая, РОДНАЯ (ты должна привыкнуть к этому обращению!) – у меня, и правда, нет слов. Я просто счастлив, что ты есть, что я встретил тебя, что мы ВМЕСТЕ, что я о тебе ДУМАЮ, что ты ДУМАЕШЬ обо мне, что завтра мы, дай Бог, снова будем прикасаться друг к другу, ПОСТИГАТЬ друг друга, СЛИВАТЬСЯ, РАСТВОРЯТЬСЯ друг в друге, л-ю-б-и-т-ь!!!!

До встречи, ЛЮБИМАЯ!

P. S. Пересылаю тебе одно из твоих последних писем, чтобы ты увидела плюсики, которые откуда-то у тебя из-под рук выскакивают, когда ты набираешь-настукиваешь текст.

Плюсы – это вообще-то хорошо! Плюсы – это вообще хорошо! (Философемы.)

Целую бессчётно!

Моему Лёшеньке, 31 января, 12:49 (Шшш.)

Моя фамилия Веточкина, и я обломила! Милый Лёша! Твоего письма до сих пор нет! Какой, простите, электронный козёл его зажил?! Опять творится что-то необъяснимое!

Но я всё равно не перестану повторять тебе, что ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ до безумия! У нас всё будет хорошо! И у тебя дома, я надеюсь, тоже. Не грусти! Хочется поднять (!!!!!) тебе настроение, но не знаю как. Увидеться пока не получается. Но ты не волнуйся, может, твоё послание скоро объявится. Бесстыжий Инет! Даже и он, неверный, подводит нас! Но ничего, я пока посмакую удовольствие: хочу перечитать тебя ещё раз – моего любимого писателя!

Твоя Алина.

Моему Лёшеньке, 31 января, 12:57 (Ну наконец-то!!!)

Только что написала тебе письмо и... бац! «У Вас 1 новое сообщение». Открываю – а там мой Лёшечка: послание из вчера. Я бы тебя зацеловала, ото всех спрятала в карман – унесла на край света и ЛЮБИЛА бы тебя до умопомрачения. Я постоянно думаю о тебе, может, хоть это порадует моего Лёшу – мою звёздочку! Твоя Дарья Николавна (да-да, именно Николавна) – редиска!!! Милый мой, единственный-разъединственный, наплюй ты на свою рыжую (прости, что получилось по-злему) – ведь её тоже можно понять. Думай о том, что скоро мы снова встретимся, я тебя поцелую, обниму, скажу, что нет роднее тебя в этом мире человечка, ради которого я утром открываю глаза и вообще живу! Люблю тебя больше жизни!

А плюсик – это многоточие, которое у тебя не распознаётся. И получается очень даже символично: многоточие – знак бесконечности, а плюсик – знак положительного результата, оценки. Выходит, что вечность – это хорошо! Поздравляю тебя, Лёшечка, и меня, конечно, – у нас есть будущее, и оно прекрасно. Вот такой вот вывод! Такая философемка мне нравится! Так я ещё раз тебе доказала: мы созданы друг для друга и на метафизическом уровне тоже. Люблю тебя ещё больше! Ситуация критическая – я начинаю возбуждаться во всех смыслах! Отключаюсь. Пересылаю тебе свой пламенный и наисладчайший привет!!!

Твоя, твоя и ещё раз твоя Алиночка.

Моему Лёшеньке, 31 января, 16:52 (Тоска...)

Милый мой, Лёшечка! Баста!!! Родственнички достали! Шум, гам, пустые разговоры, тосты, слова... Я как будто из другого мира, из другой семьи, из другого теста... Наверное, так и есть. Сажу за столом – только о тебе и думаю. Целую кольцо и вспоминаю вчерашний вечер (признаюсь, я вчера почему-то сразу догадалась, что ты мне хочешь подарить-надеть обручальное кольцо, и – даже поначалу испугалась... Чего? Сама не знаю. Теперь я твоя окольцованная!). О каждой твоей клеточке думаю-мечтаю. Ты весь во мне. Даже когда мы не вместе, ты, как копия (глупый и неживой компьютерный троп), сохраняешься где-то внутри меня. Память – единственный рай, из которого нас не могут изгнать. Безумно хочется увидеть тебя. Неужели завтра будет тянуться так долго-бесконечно?! Изнываю. Тем более, что ты уедешь в Первопрестольную почти на неделю. Милый мой! Люблю в бесконечной степени.

Твоя Алина.

Моему Лёшеньке, 31 января, 19:36 (Да!!!!!!!!!!!!!!)

Согласна, согласна, согласна! Губу даже себе прикусила, когда услышала в телефонной трубке твоё сладкое предложение!!! Я согласна!

До того, как зашла в Инет, собиралась отправить тебе ещё одно письмо. Высылаю-прикрепляю. Я согласна! Ах, да, я это уже писала! Я счастлива, милый Лёшечка! Люблю!

Как ты сам написал (мне эта фраза безумно нравится): «Близкие, родные люди живут по закону сообщающихся сосудов...»

Не устаю напоминать, что я о тебе ДУМАЮ!!! Помни это всегда. Особенно в Первопрестольной!

Твоя...

Aline, 31 января, 21:40 (БИнструкцы.)

Алына, пасылаю паслэдные ынструкцы па сэкрэтнай явкэ: мы будэм завтра аждат Вас ужэ ва квартырэ – равна в 14:00. Званит в званок тры раза. Ваша, карасавыца, задача – ны апаздат. Мы всо сказал!!!

Алэксэй.

Моему Лёшеньке, 1 февраля, 0:07 (Ещё – да-да-да!!!)

Милый мой! Проси, приказывай! Всё приму-впитаю! Да, завтра в 14-00 в НАШЕМ доме! Правда жаль, что придётся спешить. Боюсь, не успею запасть тобой аж на неделю!

Я согласна и безумно рада тому, что увижу тебя, прикоснусь...

P. S. Хотя кто-то, по-моему, обещал позвонить?!

Алина.

Моему Лёшеньке, 2 февраля, 22:07 (Письмо-сплин.)

Здравствуй, мой милый путешественник!

Может, в Moscow ты всё же отыщешь (а вдруг!) маленький виртуальный мирок и найдёшь в своём email-сундучке маленькую частичку меня. Не хочу разводить нюни, но мне безумно холодно без тебя! Согревает разве что мысль о том, что ты тоже думаешь обо мне, и мы по невидимому радару связываемся. Ведь так?! Сегодня В. Т. всё же затащила-заманила меня в твой кабинет (попросила меня помочь полить цветы), а там так тепло! Наверное, потому, что там до сих пор мы: целуем друг друга, смотрим в глаза, пьём чай (кофе), живём своей жизнью! От этой мысли мне сразу стало так хорошо на душе, что я даже не помню, о чём В. Т. говорила. Помню только, что тебя буквально обожествляла: с трепетом теребила твою занавесочку за шкафом, салфеточки, в общем, старалась быть к тебе ближе. Некий фетиш-контакт с тобой через твои вещи. (Она явно в тебя влюблена!) И в этом желании она не одинока! Хотя у меня есть что-то гораздо большее, чем всё это – воспоминания, твой запах, книги...

Кстати, о книгах! Думаю, что ты меня простишь и поймёшь, но я решила начать всерьёз читать Достоевского! Об эмоциях по этому поводу говорить пока рано, знаю одно: перелистывая очередную страничку, чувствую, что в эти мгновения я с тобой, в твоих мыслях! Может, где-то на метапараллелях мы пересекаемся! Ведь ты знаешь, что параллельные линии пересекаются! Наверняка знаешь! Обязательно знаешь! Потому что я тебя нашла, а мы и есть соседние параллели, которые обязательно ДОЛЖНЫ были пересечься! И это случилось и стало самым счастливым днём в моей жизни!

Когда-то я написала:

*Тайны не узнали наши губы,
ждать они навек обречены.
Только в чьём-то списке наши судьбы
грустной запятой разделены.*

Долой знаки препинания! Мы вместе! Прежние запятые-комплексы за чертой, которая называется прошлое.

Знай, я благодарна тебе за всё: за каждое мгновение, которое ты мне подарил!

Благодарю!

Думаю!

Ещё раз благодарю!

И целую, целую, целую.

Алина, которая ждёт своего Лёшу одна в известном городе на букву «Б».

Моему Лёшеньке, 6 февраля, 22:04 (Дождалась!)

Лёшечка, милый! Моё сердце (и не только сердце!) тебя дождалось! Спасибо тебе за СЕГОДНЯ!!!

Увы, у меня ощущение, что у тебя дома не всё хорошо! Очень хочу, чтобы я ошибалась! (Решила эти строчки оставить даже после нашего телефонного шептания.) Может, тебя согреет моё письмо, хотя оно тоже нос повесило.

Надеюсь, что когда-нибудь ты всё же скажешь мне, глядя глаза в глаза, губы в губы, душа в душу, то, о чём пока я лишь догадываюсь и мечтаю втайне. Я ни в коем случае тебя не тороплю и не настаиваю – это должно быть естественно и искренне с твоей стороны... Просто 99% моего счастья без этого одного твоего процента кажутся такими хрупкими и лёгкими!

Твоя Алина.

Aline, 6 февраля, 22:40 (Я тебя л...!)

Алина, РОДНАЯ!

Твоё «загадочное» письмо читал, изучал, исследовал, воспринимал, анализировал, постигал, переваривал... С дороги голова несвежа, но понял-таки, что ты без меня тосковала (за это хвалю, это нам любо!) и хочешь услышать от меня что-то СВЕРХважное, СВЕРХнежное и СВЕРХинтимное... Что ж, говорю: я тебя л...!

А вообще, Алинка, ну тебя! Ну что ты веришь шелухе слов!?! Ты же знаешь, что я тебя ЛЮБЛЮ! Ну к чему нам слова???? ЛЮБЛЮ. Л-Ю-Б-Л-Ю!!!

Целую, радость моя!

(Готовься стирать мои носки и, пардон, подштанники.)

Моему Лёшеньке, 7 февраля, 21:54 (Спасибо!!!)

Ты моя глубина!

Этот вечер – самый лучший в новом году (кроме 7 января, когда я буквально летала от счастья)! Сегодня ты преподнёс мне самый дорогой подарок, который я когда-либо мечтала получить – твою любовь. Даже папа (не мама, а папа, что удивительно!) заметил, что я свечусь от счастья. Говорит: «Что, поэтический вечер Сердечкиной был таким удачным?» На что я ответила: «Да, такого я от неё не ожидала. Сильно, искренне, чувствуется поэтический рост...» Не смейся, меня прорвало на такой поток комплиментов, да так, что мои даже изменили мнение о Галине (а с её «шедеврами» они знакомы).

Люблю тебя... Готова миллион раз повторить это! Даже не люблю, а дышу тобой. Вдыхаю и думаю, что в каждой микроскопической пылинке ты, а значит, ты всегда во мне. И этого не отнять. Внутри горит огонь, который не затушить никакими суетными ветрами. Завтра проснусь и вспомню, что ты вчера за ручку, как маленькую девочку с большими и чистыми глазами, ждущую чудес, привёл меня в сказку, самую лучшую сказку. Ты доказал, что чудеса есть, и они вокруг, во всём, надо только увидеть их. Я так боялась, что потеряю тебя. Думала об этом и сходила с ума. Сегодня ты подарил мне небо и крылья. Мечта летать по небу, крылья – осуществление мечты. Моя мечта сбылась, я счастлива. Ощущаю сейчас то, о чём сегодня тебе говорила: быть единым целым (мы) и ощущать в этом единстве-слиянии-сотворчестве своё собственное свободное я.

Я – белая птица, а ты моё небо. Друг без друга – пустота. Только вместе мы – и бутон, и стебель, цветы, живые, тянущиеся к свету. Пишу всё это сейчас и плачу, действительно плачу (от счастья, конечно!). Улыбаюсь, и слёзы отдыхают в складочках перед своей дальней дорогой к подбородку в кавычках вокруг губ. Слово «кавычки» для меня ключевое слово (как ты, наверное, уже понял из моих стихов, напомним одну строчку: «Разжать кавычки искусство крика...»). Моя любовь к тебе закавычена уголками моих губ, поцелуй разжимает их, и... я твоя, ты мой, мы вместе, мы бесконечно счастливы. Каждый день буду благодарить тебя за всё это! СПАСИБО!!!

Всё, истерика: слёзы, смех, счастье, радость... Сижусь, кручусь в кресле, обняв свои коленки. Ты у меня есть! Представляешь, ТЫ У МЕНЯ ЕСТЬ! Ты понимаешь, что я на седь-

мом небе! Мысль, что ты мой, расщепляет меня на тысячи частичек, которые превращаются во флюиды и просачиваются через стены, летят к тебе, может, сквозняком, может, снежинкой, что слезой течёт по твоему стеклу. Я так хочу быть с тобой, что просто выпрыгну, наверное, сейчас из своей кожи и паразитирую Инет своим Я-вирусом любви – самым прекрасным и парадоксальным в мире вирусом, придуманным Господом Богом, приносящим людям только счастье. Знаешь, когда я написала своё первое стихотворение о тебе-мне-нас «Шестой день» (думаю, ты понял, почему шестой день, – это день, когда был сотворён человек), я и не предполагала, насколько перестроюсь-перерожусь. Поменяв е на ё – это ещё цветочки, но то, что Ты мой алхимик, я другая – это точно.

Любимый, спасибо тебе за то, что ты делаешь меня счастливой!!!

Обнимаю-целую... Глазами, губами, кожей, душой... Всем, чем может любить-жить влюблённый человек.

Всегда твоя и только твоя Алина, Дымка, милая, родная, радость и счастье твоё. Все я твои обращения перечислила? Не важно. Важно, что я твоя: дома, в университете, на улице – везде. Помни это, даже тогда, когда мы сидим рядом, но вынуждены не притрагиваться друг к другу, знай, что каждым волосиком, клеточкой я тянусь к тебе, как цветок к солнцу! Конечная цель всех моих стремлений – твои объятия. Только обнимая, ты даришь мне себя саму! Мудрёно, но по-другому выразить свои чувства не могу!!!

Возвращаюсь к своей первой фразе письма (даже в момент мысленной нирваны тут моя коронная кольцевая композиция тут как тут!). Теперь понимаешь, что ты моя глубина?! Я произношу слово, а ты его продолжение – эхо, глубина... Так слово начинает жить: сначала его произносят, а потом наступает тютчевское будущее-развитие – как оно отзовется. Ты и я – это рождение, МЫ ТВОРИМ, ПРОДЛЕВАЕМ-ДОПОЛНЯЕМ ДРУГ ДРУГА!!!

Безумно хочу взглядом сейчас разговаривать с тобой! Но я его помню, поэтому смотрю сейчас на тебя. Чувствуешь моё тёплое прикосновение?

Твоя, твоя, твоя, всегда твоя, только твоя, единственно твоя, абсолютно твоя... Посмотри на свои ладони: в каждой клеточке, линии, бугорке, складочке – я... Я живу в тебе, без тебя нет и меня!

Как мне хочется крикнуть на весь мир, что я ЛЮБЛЮ!!! И моё внутреннее эхо кричит, да так, что слёзы не удерживаются... Опять плачу. Прости, но не могу слёзы сдерживать. Это счастье – плакать от счастья (счастье, счастье – этим словом пропитана я вся!!!) ЛЮБЛЮ – я кричу-ору-визжу это... Комната трясётся от моей распирающей вселюбви! Наверное, и ты это слышишь. Наверняка слышишь. ЛЮБЛЮ-ДУМАЮ-МЕЧТАЮ!!!

Я. Точнее, я в тебе.

Лёша, я тебя люблю!

Aline, 7 февраля, 22:30 (Потрясён!)

Алина, милая, родная, родненькая и маленькая моя!!!

Слов у меня нет. Я читаю твои слова (не слова – это что-то уже запредельное, невыразимое!) и понимаю, что НЕ ДОСТОИН такой любви. Прости меня!!! Я толстокожее, грубее, проще, усталее (?) и, увы, циничнее, чем тот, кого ты так возносишь...

Но вместе с тем за одно это письмо я готов совершить ради тебя любые глупости...

Люби меня, плачь, ДУМАЙ обо мне, как я о тебе ДУМАЮ БЕСПРЕСТААННО!

Обязательно приснишь мне сегодня – прошу!

Я.

P. S. (В прозе) Прошу: помечай мэйлы ко мне знаком «важно» (как я – кнопка с восклицательным знаком), чтобы они оказывались в самом верху поступившей почты.

Моему Лёшеньке, 7 февраля, 23:12 (Люблю...)

Спокойной ночи, любимый мой! Любимый с самой нежной кожей (о твоих душевных кожных утолщениях и слышать не хочу)! Думаю о тебе и жду завтра и сегодня ночью!

Твоя маленькая!

Люблю!

Люблю!!

Люблю!!!

Люблю!!!!

Люблю!!!!!

Люблю!!!!!!

Люблю!!!!!!!

Люблю!!!!!!!!..

Моему Лёшеньке, 8 февраля, 20:16 (Умоляю тебя...)

Лёша, милый! Очень прошу тебя, напиши мне, что ты меня любишь и когда-нибудь станешь по-настоящему моим. Умоляю тебя. Схожу с ума... Плачу теперь уже от страха потерять тебя. Без тебя я не смогу жить, ты смысл моей жизни. Я всегда буду с тобой – это моя клятва перед Богом и людьми. Даже если целый мир будет против нашего союза, я буду бороться за тебя, за право быть счастливой и любить. Мне так хочется быть рядом с тобой маленькой девочкой – беззащитной, чистой, светлой... Но если понадобится, разорву на части того, кто встанет на пути. За счастье надо бороться. И буду... Но должна знать, что рядом будет твоё плечо. Умоляю тебя, скажи, что это так, что твоя любовь мне поможет вытерпеть всё...

Надломленная Дымка.

Aline, 8 февраля, 20:40 (Всё будет хорошо!)

Алина, Бога ради, не раскисай, не поддавайся, не отчаивайся, не хлюзди, не хандри, не плачь, не грусти, не тоскуй, не депрессируй и вообще – не, не, не и не...

Всё у нас с тобой будет хорошо! Я тебя люблю (поверь!), ты меня любишь (верю!) – что ещё нам надо? Остальное – преходящее и мелкое. Переживём!

Признаюсь, мне довольно погано от всех этих обстоятельств и досадных помех, но я знаю одно: твоя любовь ко мне – это такой внезапный, незаслуженный мной, ошеломительный дар Судьбы, что остальное всё не суть важно...

Мы обязательно, дай Бог, будем вместе! Я обязательно «когда-нибудь стану по-настоящему твоим»! (Только не понимаю: а сейчас-то я – ЧЕЙ?)

Я тебе советую самой поговорить хотя бы по телефону с Тимой и ещё раз, но очень внятно объяснить-втолковать ему, что **ТЫ ЕГО НЕ ЛЮБИШЬ**, что **НЕ СТОИТ ЕМУ УНИЖАТЬСЯ И КАНЮЧИТЬ ТВОЮ ЛЮБОВЬ**, что это **НЕ ПО-МУЖСКИ**. Ты должна так убедительно сказать, чтобы он не столько мозгами, сколько **СЕРДЦЕМ** поверил этому и осознал, что он тебе **ЧУЖОЙ** человек.

Я тоже, когда придёт время, постараюсь так же точно объяснить своей Д. Н., что у нас с ней **ВСЁ** кончено, что её **НЕТ** в моей жизни, что я **НЕ ЛЮБЛЮ** её... Пусть это будет жестоко, но иного выхода нет...

Целую! Обнимаю! Крепко-крепко прижимаю к себе!

С одной стороны, зря мы сегодня затеяли этот поход на литвечер (как мне не хотелось – словно предчувствовал этого Чашкина!), с другой – всё, что ни делается, всё, может быть, к лучшему...

Вот на этой философемической ноте (позаимствованной у вольтеровского героя) пока и прощаюсь с тобой, родная моя и разьединственная Дымка-Дымочка.

Буду в сети ещё примерно до 21:30, а потом – потеряю сознание. Если ещё виртуально чмокнешь меня мэйликом – буду счастлив.

Алекс.

Моему Лёшеньке, 8 февраля, 21:21 (Счастлива!)

Вздыхнула свободно! Спасибо, мой котёнок! Целую-расцелую тебя. Обожаю! Не знаю, какие ещё глаголы подобрать. И надо ли? Я безумно рада, что у нас всё замечательно! Правда, безумно рада! Настроение начало подниматься на градуснике сегодняшнего дня. С Тимой уже говорила. Всё, что ты писал – говорила уже, наверное, тысячи раз. И сегодня сказала, не знаю, дошло ли до него хоть чуть-чуть. Из всего внятного он сказал только одно – что безумно завидует тебе и вообще он обезумел от того, каким я взглядом смотрела на тебя. «Почему, – говорит, – ты на меня так не смотришь?» Ну да ладно, я постаралась с ним спокойно поговорить. Дай Бог, ночью подумает-передумает и поймёт, что я не его, он не мой, я счастлива с другим... В общем, Бог с ним. Люблю тебя. Спи спокойно, мой малыш. Если я приснюсь, то уж берегись – зацелую-залюблю так, что рай будет давить своим облачным потолком. Люблю, жду тебя, мой единственный!

Твоя Дымка. Спасибо тебе! Целую по-настоящему, по-дымчатому. Сначала верхнюю губу, потом нижнюю... А потом... (Сам знаешь – ЧТО!)

Моему Лёшеньке, 9 февраля, 20:35 (Жажду общения!)

Здравствуй ещё раз, мой ненаглядный Алексеюшка!

Сегодня ты был такой лапочка. Сiju сейчас дома и вспоминаю тебя – грустного, нежного, лиричного героя МОЕГО романа. Правда, хотелось тебя украсть у всех и, завидуя самой себе, отправиться с этой бесценной кражей в наш несуществующий дом (пожалуй, разве что в моём воображении). Напиться горячего чая, забуриться под одеяло, обвиться губами-руками-телами и просто лежать, дышать-пропитываться друг другом, мыслями, взглядами, запахами... Не смотреть на часы, потеряться во времени, забыть вкус только что выпитого чая – раствориться, забыться, умирать-возрождаться. Так много хочу тебе сказать, показать, доказать... Сегодня я сидела напротив кафедры в 8-й аудитории, нас разделяла двухстенчатая разлука, но не было ни минуты, чтобы я не ощутила эту невыносимую магнитную пытку. Меня безумно тянет к тебе (не только в том смысле, о котором ты подумал!). Твоя часть вечно будет во мне и моя в тебе тоже, я знаю – цитирую саму себя (правда, доисторическую, ещё доуниверситетского периода). Жду нашей с тобой встречи, мечтаю, чтобы никакая факультетская особь не мешала нам быть вместе, прикасаться друг к другу, целовать, шептать, прилагаю к этому списку все остальные слагаемые счастья.

Кстати, просвети меня, когда мы собираемся в НАШ дом. (Приготовься, сейчас последуют предложения-разъяснения-поучения-лекции-намётки-подсказки!!! – *Прим. авт.*) Не подумай, что я озабоченная (вовсе нет). И то, что ты сказал мне насчёт моего отношения к сексу – это всё туфта. Я кинестет: для меня важно ОЩУЩАТЬ человека (видеть, слышать, держать за руку, улыбаться...), а не в буквальном смысле СЛИВАТЬСЯ. В универе я чувствую тиски чувственной цензуры: не могу спокойно обнять тебя, наблюдать за каждым твоим движением (а я хочу изучать тебя посекундно – ты всегда такой разный, интересный, загадочный), прикоснуться, поцеловать... Постоянное ощущение, что секунда и... кто-то сейчас сунет нос туда, куда не надо. (Здесь мои лирические размышления обрываются. – *Прим. авт.*) Так, меня заносит, совсем уже ушла от темы, провалилась в свои негодования. Дело в том, что наши планы надо согласовывать, поэтому я и спрашиваю, когда намечается тет-а-тет? Чтобы я все свои дела расставила по дневным-часовым полкам.

Жду ответа и появления ТЕБЯ на моём экране-жизни. Кстати, о сексе... Когда ты пишешь-отправляешь-водишь мэйл, ты медленно ВХОДИШЬ в меня! Доставь мне энергетическо-смысловой оргазм! Ах, какая я бяка!

Совесь:

– Алина, как тебе не стыдно, куда ты катишься?!

Я:

– Люпофь...

Твоя алогичная, шизоидная, озабоченная (в смысле влюблённая) Алина (ещё и циклоид по акцентуации личности: настроение прыгает от –10 до +10 в течение дня). Целую. Жду.

Aline, 9 февраля, 23:08 (Прости!)

Алиночка (Алиннннннчка)! Письмо от тебя... вкусное, сладкое, горячее, ароматное и вообще – замечательное и милое. Спасибо!

Ну а по правде (да и по кривде), ты меня буквально балуешь хорошими словами. А я, к твоему сведению, очень даже сухарист (от слова «сухарь»). Даже признаюсь: прежде чем тебе вот это ответить-написать – просмотрел-прочёл все поступившие сегодня мэйлы и на одно даже быстренько ответил (уж больно важные сегодня письма – по литературным и университетским делам)... Старый, сухой, чёрствый негодяй! И не стыдно к такому испытывать люпофью юной ангелоподобной девушке???

Я просто тебя умоляю: поосторожнее с сексом, вернее – с рассуждениями о сексе. Мы же договорились, что ты сдержанная, совсем не озабоченная и даже в чём-то застенчивая девушка, которая при слове «секс» должна потуплять глазки и бурно пунцоветь...

А теперь – цитатки из «Коллекционера» Фаулза, из записей Миранды:

«И я точно знаю, каким должен быть мой муж, это будет человек с интеллектом, как у Ч. В., только гораздо ближе мне по возрасту и с внешностью, которая мне может понравиться...»

«Если б у меня, как у Золушки, была волшебница-крёстная... Пожалуйста, сделай Ч. В. на двадцать лет моложе. И пожалуйста, пусть он станет немного привлекательнее внешне...»

«Я подумала, мы выйдем (с Ч. В.) как отец с дочерью...»

«И в этот момент он (Ч. В.) показался мне гораздо моложе, чем я. Он так часто кажется мне совсем молодым, не могу понять, отчего это происходит...»

Как ты понимаешь, читается такое с большущим вниманием и размышлизмом...

Покудова!

Цалую! (Так Достоевский писал Анне Григорьевне в письмах.)

А. А.

Моему Лёшеньке, 10 февраля, 22:05 (Самому нежному для меня...)

Дорогой мой, милый-премилый человечек! Пока ехала в автобусе после нашего свидания, поняла, что сама не могу поверить в то, что ТЫ МОЙ или можешь быть МОИМ. Когда я спешу к тебе, даже не спешу – лечу, вспоминаю-повторяю-изучаю каждый миллиметр твоей кожи, я ощущаю себя вселенной, бесконечной и конечной одновременно, но как только достигаю цели: вот он ты стоишь – такой, какой секунду назад был в моей голове, и... соединение прервано: я тебя боюсь, конфужусь, стесняюсь... И всё потому, что не могу поверить, что ТЫ МОЙ! Как такой мужчина может быть МОИМ, принадлежать МНЕ (зелёной смазливой пигалице, корчащей из себя поэтессу, писаку, вообще личность)!!!!? Ты не веришь, что Я ТВОЯ, но не знаешь, как я-то больше всего боюсь того, что ты так и не вступишь меня в свою жизнь или, ещё хуже, я по глупости своей напортачу что-нибудь нелепое и всё испорчу.

Если путь к тебе лежит через растворение-прораствание-сплетение, я готова влиться своей эгоистической четвёртой группой крови в твою и принять полный обряд причащения любовью через подавление своего «Я» (худшей части – непокорной, капризной, детской, болезненной). Мне так хочется отдать тебе всё самое лучшее и быть рядом с тобой лучше! Ты прощай меня иногда за то, что я буду слишком уж бояться тебя. Именно этот страх и не даёт мне полностью раскрепоститься – подчиниться тебе. Я боюсь отдать и не получить – а это значит умереть, пересохнуть, как истончающийся в засуху родник. Я отдам всю себя и закончусь, ты

напѣшься, утолишь жажду и пойдѣшь дальше по своему жизненному пути без меня, да и моё «Я» тогда уже перестанет существовать. Нежности неистраченной у меня полный склад души, но если долго-долго кушать сладкое – оно приедается и начинается тошнота (помнишь, по Сартру). Если я очень сильно буду любить тебя – не надоем ли я тебе? Безумно боюсь этого! Но для меня жизнь – это отдавать! Так что готовься в любом случае высвободить душевные карманы, чемоданы и прочие вместительные принадлежности. Держи меня, я уже полилась – лениво, как кисель, если выйду из берегов – принимай это как заслуженный бонус, например, за незапланированный поцелуй, улыбку, доброе слово (вдруг даже «Я тебя л...» – шифруюсь, будто здесь мат) или ещё какое-нибудь проявление нежности. Я хочу заслужить твою любовь!

Всенежность-Алиночка.

Приятных тебе снов, любимый мой Алексей Алексеич! Целую каждую твою ресничку! Засыпаю только с мыслью о тебе!

Aline, 11 февраля, 11:20 (Ты прости меня, малыш!..)

Алина, мы с тобой – два дурака пара. И очень подходим друг другу. Оба любим заниматься душевным онанизмом. Вместо того, чтобы отдаться любви безоглядно и наслаждаться любовью друг к другу. Тьфу на нас, извращенцев!

А вообще, ты прости меня, малыш, за то, что я совершенно не такой, каким ты меня вообразила и каким ожидаешь видеть. (В заголовке-теме письма я эту песенную строку написал совсем из других соображений: попросить прощения за своё вчерашнее настроение, да вот потянуло на обобщения, философы!)

И в очередной раз хочу тебя отрезвить: со мной – трудно. Я – негодяй. Я – эгоист. Я – уставший старик. Видела бы ты меня вчера, когда я стоял под ветром и какой-то мразью, падающей с неба, на остановке уже 50 (пятьдесят!) минут после твоего уезда, а вся транспортная дрянь ехала только в сторону Северной площади... Как хорошо, что тебя не было рядом! Ты бы точно заплакала... А – зачем тебе это?! Ты же БОГИНЯ...

Впрочем, всё – давай превращаться в НОРМАЛЬНЫХ людей и любить (ДУМАТЬ) без вывихов, истерик и модернизмов: нежно, с достоинством (?!), заботливо и вежливо (???!), я хотел сказать – предупредительно...

Ну – нагородил! Прощаюсь. Помни, в каком бы я ни был скверном настроении, как бы я ни издевался над тобой (и собой!) в иные моменты, я вскоре остыну, очнусь, изменюсь, стану прежним и попрошу прощения. Потерпи иногда! Пережди.

Целую, целую, целую – нежно, как только могу!

Я.

Моему Лёшеньке, 11 февраля, 20:09 (Тебе всё прощаю...)

Лёшечка, солнышко ты моё! Как я безумно хотела тебя увидеть сегодня и увидела! Думаю, пойду в универ – посмотрю, пообщаюсь, приласкаю моего болевающего! А ты так долго не приходил. Почти пять часов ожиданий стоили того, я много думала, передумала – ты занимаешь все мои мысли, фантазии, желания... Хочу и буду любить тебя, ждать наших встреч! С тобой (в нашем раю) я лечусь, зализываю раны своей жизни, что по ту сторону нашего любовного вакуума.

Каждый раз после наших встреч возвращаться на землю так не хочется, но согревает мысль, что будет ещё встреча, и на факультете, дай Бог, увидимся, прикоснёмся. Ведь каждое твоё прикосновение – подарок, сказка. В твоих объятьях жить хочу: они – мой рай, моя обитель (только что почти сочинила стихи!) Действительно, когда язык позвоночный спины чувствует твои руки (губы!!!), я превращаюсь в бесконечность.

Милый мой, люблю тебя! Я – твоя пленная, а ты – самый сладкий плен! Обязуюсь быть твоей во всём: в мелочах, в главном... Буду очень стараться, потому что ХОЧУ быть с тобой

и только с тобой. Я ТВОЯ – ты должен понять это и поверить! Мне не нужен никто, кроме тебя!!! Я ждала тебя всю жизнь, и судьба всё же подарила мне 29 декабря счастливый билет!

Р. S. Мысли после разговора.

Боюсь – это значит теряюсь: полнейшее брожение в мозгах, я растекаюсь в твоих руках, поцелуях, объятиях, как снег в сорокаградусную жару. Забываю о том, что надо помыть руки, чашки, покушать вообще – смотрю на тебя и не вижу ничего вокруг. Есть только две точки – ты, я и соединяющая линия между нами. Иду в наш ДОМ, думаю о том, что сейчас обниму тебя крепко-крепко, скажу прямо с порога: «Любимый мой, как я долго ждала этой секунды, когда увижу тебя...» И вот звонок, щелчок замка, ты открываешь дверь, и... я проваливаюсь в пустоту, выворачиваюсь наизнанку. Вот оно – проявление комплекса обманутого ожидания: когда ждёшь того, что так наверняка и не произойдёт, по всем законам не должно произойти. И ты, открывая дверь, видишь перед собой маленькую девочку, робко идущую к тебе, как на экзамен. И, как всегда, проваливаю его.

Боюсь тебя, потому что я уже не принадлежу сама себе, ты – мой создатель-ваятель, а лепишь ты подчас грубо-нежно, креативно и талантливо. Но мне больно, я разрешаю тебе делать больно, а потом как побитая собака возвращаюсь домой. И от счастья-боли плачу, пишу письма, объясняюсь в любви человеку, который, может быть, вовсе и не любит меня, а пьёт меня, пока не утолит жажду. И я разрешаю и пить, и мучить, и целовать...

Боюсь тебя во мне – выпирающего из моей тонкой, нежной душевной кожи, ты рвёшь меня изнутри, от этого всё горит. А поделать ничего не могу, ведь люблю тебя до безумия. До такого безумия, о котором ты даже не догадываешься, я стараюсь спрятать его, как округляющаяся героиня твоего рассказа – свой животик. Хочу, чтобы ты видел меня красивой, цветущей, а не страдающей, томящейся в своих мыслях-паутине о тебе. Каждую секунду ты меня строишь и ломаешь, когда захочешь – для этого тебе стоит всего лишь поднять телефонную трубку и сказать: «Доброе утро!» И я сломалась, вывернулась, растаяла...

Я боюсь тебя, потому что наверняка знаю – сейчас опять сломает! И ты ломаешь, когда уже достроив, а когда и на полпути к последнему этажу! Я живу в постоянной ломке. Выдержу ли? Если нет, то меня ожидает – забытие, полнейший хаос на факультете, дома, потерю-растеряю оставшихся друзей, стану, наверное, голышом ходить по дому, перестану чистить зубы! Всё равно, начхать, падать ниже некуда: предел – дно. В общем, буду ходить уже как вампирша, боящаяся света, и просить тебя вбить мне осиновый кол прямо в сердце! Просить-унижаться, чтобы ты сказал, набрался сил и признался, что не любишь и не собираешься быть-жить со мной. А пока я ломаюсь и всё же тешу себя мыслью, что любишь, думаешь, мечтаешь...

Ну вот, опять сломалась! И ещё раз! И ещё! Ещё... Кап-кап-кап.

Люблю тебя, ломай, если надо, строй, если надо! Только не оставляй! Можешь даже на моё «Я тебя люблю...» отвечать: «А я – нет!» Ведь всё равно – проглочу, поперхнусь, но переварю! Плохо – это когда тебя нет! Лучше ломать, чем равнодушно наблюдать! Приди и сломай меня! Я так хочу, потому что люблю бесконечно! Если больно – значит живу!

Целую бесконечно!!!

Твоя Алиночка.

Aline, 11 февраля, 23:55 (Спокойной ночи!)

Алина, малышка моя, спокойной ночи! Бесконечное спасибо за письмо!!! Читал и возникло ощущение, что мы в объятиях друг друга и целуемся...

Спи, родная! Приснись мне! Целую!

Алёша.

Моему Лёшеньке, 12 февраля, 21:12 (Почти валентинка.)

Миленький, солнышко моё, месяц ясный... в общем, самый желанный, любимый, дорогой! Целую тебя крепко-крепко. Бедненький, ты устал, наверное, и в Инет времени нет заглянуть! Кладу голову тебе на плечо, вдруг поможет! Кстати, я тоже в некоторой запарке: надо срочно закончить статью в нашу факультетскую многотиражку. Между прочим – передовица ко Дню св. Валентина. Но, даже работая, я непрерывно думаю о тебе. Вернее, работа и ты слились. (Чтобы не гадал, о чём речь, в постскриптуме приложу сокращённый вариант своих размышлизмов – самую суть из этой статьи.) В мыслях один Лёшечка – Единственный Святой, точнее монарх, безгранично властвующий в моём сердце. Надеюсь, когда немного разгрузишься, увидишь в своём ящике мой виртуальный след – маленькое послание, и улыбнёшься. Посылаю вместе с ним свой пламенный привет и преболющий сочный поцелуй – губы в губы, душа в душу! Мои губы – почта любви, поцелуй – письмо, адресат – ты, ты и только ты! Побереги себя! Я за тебя беспокоюсь! Твоё здоровье не стоит всей этой суматохи! Скучаю! Жду!

Целую сначала в одну щёчку, потом в другую, в ладошки, шейку, в губки... Зацеловываю тебя!

Бесконечно преданная тебе Алина Д. (!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!) Звучит, а?!

Р. S. Кстати, твоя повесть «Казнь души» мне безумно нравится: это по мне! Я тобой горжусь и восхищаюсь – как женщиной, личностью и, конечно же, писателем! Последнему завидую чёрной завистью! А личности – тем паче! В общем, люблю тебя всякого!

Твоя Алинушка.

Р. Р. S. Обещанное:

КАК Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Души встречаются на губах влюблённых. Это я знаю точно, потому что – ЛЮБЛЮ! Я просто по-сумасшедшему люблю самого прекрасного мужчину на свете – мужчину с глазами-агатами... Любовь... Вселенная, уместившаяся всего в шести буквах русского алфавита, и этот мягкий знак – прекрасная роза вечности. Любовь – это поэзия, окрыляющая, уносящая в мир, где всё дышит стихами. Влюблённый человек постигает новую философию общения – говорит глазами, жестами, прикосновениями... Ах, как мой мужчина умеет нежно обнимать!.. «Я тебя люблю!» – три слова, ради которых стоит жить, страдать, умирать, возрождаться. Любовь... ЛЮБОВЬ... ЛюБоВь... ЛюбоВЬ... люБОВь... Сладкое слово с привкусом хурмы.

Циники утверждают, что любовь – это всего лишь химические процессы в организме, которые провоцируют сексуальное возбуждение и только. А медики, вот уж умора, вообще придумали, будто существует вирус любви, который живёт в организме не более трёх лет. Дураки! Я, например, точно знаю, что буду любить своего мужчину с глазами-агатами всю свою жизнь, до самой смерти, всегда и бесконечно... Встреча с ним – главное, что случилось в моей жизни, и я так счастлива!

А вообще, истинная любовь не требует клятв и доказательств. Главное, говоря избитую фразу «Я тебя люблю!» – искренне смотреть в глаза, посылая эти слова прямо в душу почтой-поцелуем, ведь души встречаются на губах влюблённых! Кстати, о почте – не забудьте отправить своим возлюбленным валентинки! Я своему любимому уже приготовила-написала: ах, какие там слова-признания! Ведь я так его люблю – больше жизни!

Депрессия, страх, одиночество – всё растворяется в любви, в этом таинстве души и тела. Я наконец-то испытала это сама! И поэтому готова крикнуть на весь мир: как я тебя люблю!

Влюблённая Алина ЛАТУНКИНА.

Aline, 12 февраля, 23:08 (Умаслила!)

Ну, Алинушка, удружила! Умаслила! Облила толстым слоем бальзама мою честолубивую писдушу (получилось почти матерно, а я имел в виду – писательскую душу)! У тебя из

сердца (есть, оказывается, сердце-то!) добрые слова вырвались... Спасибочки, счастье моё! Я и сам очень ценю «Казнь души».

Одним словом, умаслила. Обещаю за это обцеловать тебя от пяточек до... Короче, на месте разберёмся!

Целую и сейчас – взасос (на экране монитора след остался!)

Алёша.

P. S. Твоя передовица-признание – класс! Спасибо за бесстрашие!

Моему Лёшеньке, 14 февраля, 23:13 (Спасибо за всё!)

День праздничный сегодня прошёл замечательно (вкусно и много покушали, нацеловались-намиловались, наговорились и намолчались), продуктивно (многое друг о друге узнали), красиво (спасибо за великолепные розы, они и сейчас помнят о нас – там, в НАШЕМ доме)... В общем, благодарна тебе за всё! В первую очередь благодарю судьбу за тебя! Хотя мне тоже следовало бы, как и ты, пожаловаться на свою «пленную житуху», но сегодня не тот день! Да и вообще хватит скулить! Пока ситуация такая, какая есть, жаловаться я не имею права (пленных не спрашивают)! Люблю тебя одного! Ты слышишь – БЛАГОДАРНА ТЕБЕ ЗА КАЖДУЮ ПРОВЕДЁННУЮ С ТОБОЙ СЕКУНДУ!

Пленная Дымка.

Aline, 15 февраля, 15:07 (Почему???)

Алина, ты и не хочешь со мной сегодня общаться – почему бы это???

Грустно.

Алексей.

Моему Лёшеньке, 16 февраля, 8:18 (Прости!)

Прости!!! У меня вчера был «банный день». Это я так называю душевный онанизм. Ты вчера и позвонил в самый час-пик, когда я в ванной слезами (даже рыдала – вот, глупая!) да горячей водичкой обливалась. Интересно, как я вообще разговаривала – ведь было, как это пошло ни звучит, «состояние нестояния». Вечером я это выразила в маленьком стихотворении:

*Горла рупор тоской провачен,
взгляд слезою туманной склеен —
это я где-то тихо плачу,
причащаюсь, себя жалею.*

Хочется иногда себя пожалеть, понимаешь?

Котик мой! Ты уж прости меня, засранку (и за это слово прости)! Просто я очень сильно тебя люблю, а ты – несвободный и не мой! Поэтому клинит!

Целую-перецеловываю.

Дымка.

Aline, 17 февраля, 22:52 (Прокол.)

Алина, звонил с одной целью: сказать-предупредить, что иду из универа пешком, чтобы ты через 10 минут выскочила на минутку из дома, я бы тебя на ходу нежно поцеловал и отправился, взбодрённый, дальше... Красиво было задумано, но... Кое-кто был в ванной или ещё где, и фокус не удался...

Эх ты! (Шучу, конечно.)

Алексей.

Моему Лёшеньке, 17 февраля, 23:16 (Ё-маё – не знаю, как это пишется...)

Сейчас сердце разорвётся! Лёшенька мой, дорогой-разъединственный! Всё, рана смертельная – прямо в сердце! Никогда себе не прощу это чёртово водное путешествие! Целую тебя буквами-знаками-многоточиями...

Прости дуру! Твоя Алина, которая в ауте.

Aline, 17 февраля, 23:53 (Ё-моё.)

Алина, милая! Голубчик... (ладно, так и быть – голубица!)

Ё-моё – пишется так. О помывке не жалею – мыться надо. Если признаешься и поклянешься, что в ванной думала обо мне и даже нечто скоромное (??!), так и быть – прощу и даже одобряю, ибо не так важен телесный контакт, как духовный, дочь моя! (Это я в роли падре, а не папаши – не перепутай!)

Алексей (подписываюсь, как обещал, строго и без экивоков).

Моему Лёшеньке, 17 февраля, 23:58 (Оооооо!!!!!!)

Грешна, падре! В мыслях возлюбила я своего Алексея и духовно, и телесно, ибо он для меня и мой рай, и мой ад, да и я, признаться честно, хочу быть и святой, и порочной! Люблю его любовью нестерпимо сладкой...

Сна тебе самого сладкого, нежного, конечно со мной в главной роли! Я тебе покажу, что такое настоящая сказка. В общем, сама уже зеваю, да и постель зовёт своим цветастым языком – аппетит ночной предвкушает. Ты тоже, милый, заходи ко мне в сон. Сначала я к тебе, а потом ты ко мне. Но я тебя не отпущу! Посажу в клетку-темницу своей памяти. Будем вместе там предаваться любви...

Так, если я продолжу, ты, видимо, спокойно уж точно не уснёшь! Да и я... Хотя я о тебе мечтаю каждую секунду!

До встречи, мой ненаглядный! Приятных сновидений! Я всегда с тобой!

Отчаливаю в НАШ сон! И ты не запаздывай!

Твоя Алина.

Моему Лёшеньке, 18 февраля, 21:39 (:-)

Животик рАзвязывАется – крАнтик скоро откроется! ДА, действительно, хорошо живём! В душе – мАй, птички поют. Если бы не живот – было бы полное ощущение свободы и лёгкости! АлексеюшкА ты мой! ЗнАешь, о чём я сейчАс подумАЛА – мы ещё не ели вместе мороженое (А ты о нём уже двАжды говорил – вообрАжение провоцировАл). ДАвАй в субботу (или воскресенье) купим целое ведёрко и будем тАять вместе. ЛАды?

А вообще, спАсибо зА вечер, ты был тАким милым, нежным, зАботливым, А я (несмотря нА дятлА в голове) – счАстливой! Ты хоть понимАешь, что делАешь меня счАстливой!!! ВспоминАю сейчАс тебя в нАшем доме, особенно нА фоткАх, где ты не мой, но тАкой родной и этА сопричАстность к твоей прошлой жизни делАет меня ещё счАстливее!

НАдеюсь, зАвтрА увидимся, если нАдумАешь пройтись до универА вместе – предупреди.

Люблю, А знАчит, живу!

ЛюбящАя и живучАя АлинА.

Целую-меряю губАми, глАзАми, рукАми и всем, чем возможно.

Р. S. ФишкА письмА: в кАждой букве «А» – мой поцелуй: лови!!! Всего – 62 поцелуя-выстрелА. ВнимАние! Ты смертельно рАнен прямо в сердце!

Aline, 18 февраля, 23:12 (Ну и А!)

Алина, спасибо, роднуля, за поцелуи-«А»!

Сообщаю, что завтра я буду на факультете вероятно целый день, посему – заказывай: какой йогурт тебе купить на обед (или что другое)?

Дома выдержал прессинг, но – победил...

А. А.

Моему Лёшеньке, 19 февраля, 21:59 (Мысли вслух – в четырёх частях.)

Доброй ночи, моё чудо!

1. Завтра буду целый день думать о тебе. А сегодня – засыпать с мыслью-воспоминанием, как ты меня целуешь... В общем, и сегодня, и завтра, и послезавтра, то есть каждый день в энной степени, на повестке дня – ты, в главном меню – ты, в жизни моей – ты.

2. У тебя просто очаровательнейшая улыбка, закрываю глаза и вижу, как ты смеёшься... И сама улыбаюсь тебе. Прошу тебя, свети мне всегда! Не то «завянут мои ромашки без солнца твоих тюльпанов». Это я уже себя любимую цитирую-интерпретирую – хотя в данном контексте эти строчки воспринимаются несколько пошлово: ромашки, тюльпаны... тычинки, пестики... Васьки, Матрёны... Так, сворачиваю куда-то не туда! Не подумай, что я повёрнутая на этой теме, просто иногда хочется тебя ущипнуть, чтобы ты расслабился, отвлёкся (от «рыжего террора» – Д. Н.), читал мои строки ОБ ЭТОМ и улыбался (мысленно произнося своё фирменно-серьёзное «Алина!»). Взбодрить тебя хочется! А слова «суксуально-еротическага» характера помогают мне в этом.

3. Ты знаешь, как я была рада увидеть, встретить тебя сегодня вечером – на остановке! Безумно рада! Представила, что когда-нибудь потом я буду ждать тебя вот так, только уже домой, в НАШ ДОМ! Эх, мечты!

4. Жду-прежду тебя, твоего голоса... Всего, что связано с тобой! Измеряю-грею всего моего Лёшеньку губами. Я тебя люблю! I love you!.. Если концентрировать моё сверхчувство – перелюбливаю: то бишь люблю с приставкой «очень-очень»!

Я. Голубчик.

Aline, 19 февраля, 23:36 (Схожу с ума!)

Всё, ОНЕ захрапели позади меня. А до этого минут 20 возюкались-стелили-переодевались и пр., заглядывая через плечо моё на монитор...

Бог с ней! Тут другое мучает... Впрочем, не буду тебя огорчать!

Лучше я скажу тебе глубоко прочувствованное, продуманное и выкристаллизованное: я, наверное (?!), не могу НЕ думать о тебе. А это уже болезнь. Это – патология. Это – сладкое, но умопомрачение... Всё это можно выразить короче: не исключено, что я СХОЖУ ПО ТЕБЕ С УМА! А хорошего в этом, надо полагать, ничего нет. Эхма! И-и-их! О-хо-хо! Ух-ху-ху! (Как ещё вздох графически изобразить – не знаю!)

Про «Матрён» и «Васек» шуточки пре-кра-тить!!! «Неснятое возбуждение чревато неприятными последствиями!..» (Приап).

Ещё, голубчик мой, можешь ответить на эту писульку (??!) до 23:45, да потом – попрощаемся до завтра.

Алексис.

Моему Лёшеньке, 19 февраля, 23:44 (Ночное.)

Обожаю тебя!!! Отвечать-спрашивать (про то, что мучает) времени, наверное, уже нет. По телефону завтра утром пообщаемся – угу?

Люблю, люблю и тоже схожу с ума! Целую. Спокойной ночи, мой милый!

Твоя Алиночка.

Моему Лёшеньке, 20 февраля, 22:26 (Дышу и не дышу.)

Радость-грусть моя!

Вечер сегодня по-особенному лиричный, рассказы твои, что ли, грустью-сплином мысли обволакивают – не знаю?! Лирик в тебе, бесспорно, бунтует-вырывается – родная душа! От «Удушья» безысходность какая-то щемящая сердце буравит... Да-а-а... вся наша прекрасная страшная жизнь – асфиксия... Сам не успеешь удушиться – жизнь удушит! Кажется, мой градусник настроения очередную синусоиду совершает!

Как мне хочется тебя, мой милый, сейчас обнять! Почувствовать тепло твоих ладоней и перебороть удушье – снова научиться дышать, дышать по-новому! Буду ждать завтра этого мгновенья, а пока не дышу... Любить, правда, никакая асфиксия, не разучит, а вот дышать...

Люблю. Скучаю. Философствую.

Научи дышать, без тебя – смерть, пустота.

Твоя Дымка.

Р. S. Раз воздух потерял адрес моих лёгких – так поцелуями задышу. Целую. Целую. Целую. Целую. Вот и задышала!

Aline, 20 февраля, 23:11 (Люблю – дышу...)

Родная моя Дымка, хочу серьёзно и в последний раз предупредить: за такие письма-мэйлы, как это – я тебя готов зацеловать и зацелую при первой же возможности до умопомрачения... Твоего или моего, или обоих сразу!

Спасибо, девочка моя! Я, конечно, тоже целую и сейчас (мысленно) и думаю о завтрашней встрече (дай Бог!).

Пока прощай! Чего-то я рассюсюкался, а это нехорошо, неладно, не (как вы, молодые, выражаетесь) клёво...

Чудовище.

Моему Лёшеньке, 20 февраля, 23:18 (Задышала!)

Ночи-то доброй я, надеюсь, успею тебе пожелать! Снов тебе самых дымчатых! Люблю тебя! Всё остальное скажу завтра (о том, как я тебя обожаю, боготворю, как ты мне нужен).

Целую, мой Лёшечка!

Я.

Aline, 20 февраля, 23:26 (Не отвлекайся!)

Алина, я буду в эфире (вернее, выйду напоследок в 0:30), так что, если захочешь что-либо ужасно важное (нэжное, ласкавае, возбуждающее!!!) написать – напиши. А пока не отвлекайся – читай ХОРОШУЮ прозу...

Недостойный.

Моему Лёшеньке, 21 февраля, 0:08 (Длинное-томное-нежное-ласковое...)

Лёшечка-Лёшенька!

Ночью, когда луна выворачивает меня всю наизнанку, пишу-дарю тебе самые сокровенные строки! Ты в моей жизни появился неслучайно, за это судьбе просто громаднейшее спасибо! Почему неслучайно – потому что я предчувствовала, что появится человек, которому отдам себя без остатка, «всю – до грамма» (моя стихотворная цитата). Как будто в воздухе уже был этот дурманивший привкус: привкус твоего поцелуя – медового, бездонного. И я жила, как в тумане, будто организм переживал инкубационный период – некая предлюбовь. И вот в универе появился ты – мужчина, которого я сразу (!) заметила и (помнишь?) чересчур громко поздоровалась, на что ты неуверенно ответил: «Здрасьте», – меряя меня оценивающим взглядом. А когда я у одного знакомого доцента (не скажу тебе – кто это) спросила: «Что это за

мужчина?» – он ответил: «Домашнев – новый завкафедрой литературы и писатель. Ты будь с ним осторожна, он до женского пола... Как-то даже признался мне, что, мол, страшный я бабник...» (Да-да это слова того доцента!) А я подумала: «Да-а-а, страстный мужчина, и есть в нём какая-то особенная грусть и магнетическое обаяние». А потом это интервью – глаза в глаза. А вскоре – первое прикосновение, как током, прострелившее меня до самых косточек. Ну а дальше, ты всё знаешь сам. И ещё – твой творческий вечер, и моя гордость, счастье за тебя, человека, который почему-то казался таким родным!

В общем, нежный избранник мой, суженый, единственный МОЙ мужчина! Никакие атмосферные и оккультные вмешательства тут ни при чём! Просто я тебя ЛЮБЛЮ и это не влюблённость какая-нибудь, не дурман-колдовство!

Не отдам тебя никому (страшно признаться, но я собственница!). Буду любить тебя, стараться-тужиться сделать тебя счастливым, стану девочкой-женщиной, любовницей, соратницей, единомышленницей, музой, другом, женой, богиней, рабыней... – кем только захочешь! Я счастлива, когда ты счастлив!

Нежно-нежно прижимаюсь к тебе каждой буковкой! Верь мне, будь-стань моим, и мы вместе создадим-построим-оживём с тобой свой маленький мирок, где есть только ты и я! Хочешь? Я согласна!!!

Любимый-разлюбимый! Если ты присутствуешь при моих душевных родах (которые прошли благополучно, без экспессов) уже в 0:30, то я, видимо, уже лежу в кроватке с выключенным светом и думаю о тебе, не отдаюсь ещё любовнику-сну, хочу надуматься-насытиться тобой, чтобы приснился мне сон – светлый и тёплый, где мы вместе и жизнь прекрасная (а не страшная, как в реальности). Жажду с утра прочесть твой ответ на моё письмо-исповедь. Как только проснусь – выйду в Инет, и, надеюсь, хорошее настроение умножится как минимум в два раза!

Люблю тебя, мой голубчик! Поцелуями тебя укутываю. Спи, солнышко! Я рядом, всегда рядом.

Твоя Алиночка-пеночка-Дымочка...

Моему Лёшеньке, 21 февраля, 21:51 (Мечтаю о тебе, думаю о нас.)

Лёша, день и вечер были просто восхитительными! С тобой рядом я цвету, живу, творю, познаю... Моя комната мне показалась сейчас такой уютной – моей, родной, маленькой вселенной. Как бы я хотела, чтобы это ощущение согревало меня в моменты, когда грусть-тоска перетягивают лёгкие жгутом безысходности, непонимания. Самое страшное одиночество – одиночество среди людей, тем более близких людей. Из комнаты в комнату ходят они, разговаривают о чём-то, пьют чай, смеются, а ты – вне этой приятной суеты, думаешь о своём, живёшь другой жизнью и оживлённость, что вокруг тебя – мертва, нема, неощутима. Вот так я сидела сейчас в зале: родители о чём-то балакают, меня пытаются втянуть в разговор, а я зависла на другом уровне, где мне хорошо, тепло, куда меня тянет, зовёт – К ТЕБЕ!!! Когда эта раздвоенность заплетётся в одну прочную косу-линию – нашу ОБЩУЮ с тобой жизнь, тогда не будет никаких других уровней, зависаний... Идя с работы, я буду знать, что где-то меня ждёт МОЯ ЗЕМЛЯ, мой островок счастья-уюта. Этой мыслью я теперь и живу. И хочу, чтобы ты жил.

Если мы сегодня не встретимся на Интернет-перекрёстке – желаю тебе приятных снов! Мечтаю о тебе, думаю о нас... Для того, чтобы спалось крепче-слаще – прими мой поцелуй на ночь, как положено, в трёх экземплярах!

Алина.

Твоя настоящая жена.

Aline, 21 февраля, 23:42 (Вот он – я!)

Алинусь, я – тут! Еле-еле оторвался от Фаулза, чтобы впитать (фу, ну и слог!) вот это твоё письмецо (ещё одно фу!). Ладно, буду писать поостороже: спасибо, девушка, на добром слове, утешила, побаловала! А всё ж таки не одобряю, что от родных отгораживаешься, неприязню к ним точишь сердце своё (это уж совсем чёрт знает что за лексика попёрла – прости!).

Ладно, голубка моя, если на полном серьёзе, ты меня делаешь всё более и более счастливым. Ты заставляешь меня быть лучше, чище, ДОСТОЙНЕЕ... Буду стараться соответствовать. Клянусь!

Напиши мне ещё пару горячих строк и – попрощаемся до завтра, хорошо?

Целую крепко-крепко – до перехвата дыхания!

А.

Моему Лёшеньке, 21 февраля, 23:51 (О важном.)

Родителей я люблю, но одинока у себя дома, будто это не дом мне вовсе.

Ладно, давай о лирике – день сегодня ты подарил мне поистине лиричный! Спасибо! Влюбляюсь в тебя всё больше и больше – и в писателя тоже! В общем, очень скоро проглочу тебя в свой желудок-разум (сердцем ты уже проглочен), и... кранты! Придётся тебе на мне жениться!

Целую. Обожаю. Ответь чего-нить!

Жена. (Так теперь решила подписываться.)

Aline, 22 февраля, 0:18 (О сверхважном!!!)

Алина, родная моя, милая и ненаглядная!

Не надо подписываться «жена». Лучше – «твоя» или – «единственная»... А ещё лучше – Алина или Дымка. Мне это очень нравится! «Жена» – ТЯЖЁЛОЕ слово. Да и у меня (забыла?) формально-официальная жена как бы есть... Ты меня понимаешь?

Это моё мнение. Не вздумай обидеться! Конечно, можешь подписываться – как хочешь. Мне главное – чтобы писала ТАКИЕ письма, КАКИЕ пишешь...

Ещё дождусь ответа и – спать. Умираю от желания спать. (Помнишь, я уже ТАМ задрёмывал?) Это, кажется, называется авитаминоз и ЧРЕЗМЕРНЫЕ нагрузки...

А.

Моему Лёшеньке, 22 февраля, 0:26 (Ладно, уж так и быть.)

Ладно, от «жены» отказываюсь (размечталась!). От фамилии твоей тоже отказываюсь. В общем, от всего, что тебе не нравится, кроме, разумеется, САМОГО ТЕБЯ!

Снов тебе, милый, самых сладких, вкусных, калорийных... Завтра жду какого-нибудь да привета от тебя! Всего-всего!!! Обцеловываю (сейчас завою – у-у-у-у...)

Просто Я.

Моему Лёшеньке, 22 февраля, 23:51 (Стыдно.)

Спокойной ночи, Лёша!

Люблю. Грустно и тошно (не в прямом смысле!) просто «до опупения» Да и ты, по-моему, разозлился. Прости меня, что:

- 1) такая маленькая для тебя,
- 2) веду себя отвратительно (самой противно),
- 3) за то, что я порчу тебе жизнь...

Тем более, что сегодня Прощёное воскресенье!

Целую. Прости меня, пожалуйста. Кап-кап-кап...

Алина.

Моему Лёшеньке, 23 февраля, 20:41 (Э-э-эх!!!)

Любимый мой! Во первых строках своего письма признаюсь тебе ещё и ещё раз – БЕЗ ТЕБЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ СВОЕЙ ЖИЗНИ!!!

Алексей Алексеевич, радость ты моя ненаглядная, манна небесная, жду не дождусь, когда увижу тебя. Как здорово, что мы учимся-работаем в одном здании и я могу видеть тебя почти каждый день!

В общем, дай Бог, обнимем-поцелуем друг друга завтра в Доме знаний (как иронично называет универ моя подруга Ленка).

Лёша, не зевай от моего стиля-зануды, лучше напиши мне что-нибудь этакое, что можно выпить взахлёб – вместо чая.

Твоя ненаглядная.

Aline, 23 февраля, 22:20 (Не грусти!)

Алинка, чувствую – грустишь! Не понимаю я тебя. Были вместе сегодня? Были! Не поссорились? Нет! Хорошо нам было? Вроде бы – да! (?) Будут впереди встречи? Несомненно! Думаешь ты обо мне сейчас? Вероятно – да! Я о тебе думаю? Спрашиваешь!!! Ну, чего нам ещё надо??? Чего грустить-то??? Даёшь праздник на душе и в прочих частях тела (тел)!

Выше нос, моя светлая радость! Люби меня, как я тебя, и всё будет офигенно!

Целую в щёки, нос, губы, плечи, локти, животик и... Одним словом, целую!

Оптимист Лёша.

Моему Лёшеньке, 23 февраля, 22:28 (Всё замечательно!!!)

Лёша, Лёшечка, Алексеюшка, ты что, не понимаешь, что грусть-то светлая, наисветлейшая!!! Просто иногда мне хочется тебя обнять, чмокнуть, шепнуть... И я жду этого мгновения, как свежего воздуха ждут слежавшиеся лёгкие, – поэтому грустно, что ты и есть у меня, и нет одновременно! Всё просто замечательно! Люблю тебя. Завтра буду любить ещё сильнее.

Твоя Алинка.

Aline, 23 февраля, 22:45 (Вопросики.)

Алина, у меня к тебе вопросыки – малюсенькие, с усиками:

1) Зачем ты с компа (Outlook'a) отправляешь помимо основного письма ещё и копию? Нэ нада! Эта лышнэе.

2) Почему это ты завтра будешь любить сильнее, чем сегодня? Это что за деление-подделение любви на вчерашнюю, сегодняшнюю, завтрашнюю?.. Не путай наши отношения, вернее – не запутывай! Любовь – ОДНА-РАЗЪЕДИНСТВЕННАЯ, только на двоих.

Вот тебе философемочка – обдумывай!

Дж. Фаулз.

Моему Лёшеньке, 23 февраля, 23:07 (Ответики.)

Котик!

1) Подскажи, где копии-то эти отключить!

2) Завтра буду любить сильнее, потому что безумно соскучусь и прольюсь прямо в твоём кабинете (наверное, тогда мне полы мыть придётся! Хм-м-м...) А пока нерастраченная нежность копится-томится. Хотя, наверное, мне слабо забыть про весь этот факультет, послать всех... и зацеловать-заобнимать тебя! Впрочем, никогда не говори никогда. Моё чувство к тебе множится-растёт – в результате продырявит небо, и я превращусь в чистую энергию любви – дао Любви! (Это я философемствую!) Может, я чё не то горожу, а?

Твоя Алинка.

Моему Лёшеньке, 24 февраля, 21:35 (Душа моя...)

Душа моя, Достоевский-Фаулз ты мой, те, которые Фёдор Михайлович и Джон Роберт! Нет! Домашнев, тот, который Алексей Алексеевич, тот, который обожаемый, любимый, единственный, неповторимый, гордость моя и трофей (!!).

Да здравствует НТП!!! Установила себе IE-6. Даже значки программ до чего милые: объёмные, нежно-голубенькие, симпатные, напоминают «икспизный» интерфейс (Windows XP) своей креативностью (эх, словечко!). И ещё одна радость – в «Параметрах» Outlook наконец-то появилась новая закладка «Уведомления» (в старой версии её не было). Мелочь, а приятно (главное – удобно!).

Теперь о любовных новостях.

Во-первых, получи порцию моего фирменного блюда-десерта (новая привычка-традиция!): Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, ТОБОЙ ЖИВУ, ВСЕ МОИ МЫСЛИ О ТЕБЕ...

Во-вторых, появление ТЕБЯ в моей жизни дало (даёт и будет давать!) моему творчеству такой заряд, что аж подошвы мысли плаваются-шипят от накалённости любви-асфальта. Ты – мой... Муз (то бишь Муза мужского рода).

В-третьих, ушла я в эту любовь-гипернежность вся: головой, сердцем, рукой, ногой, всеми тремя глазами...

Ты – мой цветочек сирени с пятью лепестками, тебя мне небо послало как великую награду за какие-то непонятные труды-потуги, поэтому до сих пор не пойму: за что мне такое счастье... В общем, как поётся в песне: «Лёша, Лёша, милый Лёша, на край света я с тобой!»

Вот так дела!

Р. S. Черкани мне чё-нить прозаическое, но только непременно со своей фишкой – лирикой. Дай Дымке хоть чуть-чуть – одного поцелуя-письма.

Твоя.

Aline, 24 февраля, 23:52 (До личного ли?)

Алина, только что узнал, что у нас в стране произошла мягкая революция (то есть – бархатная, правильнее): премьер-министр слетел со своими подельниками, а ты о личном, о поцелуях...

Впрочем, и правда, что нам до их игрищ? Целую, милая! Целую-чмокаю, раскрасавица моя! В кончик носа, в губки и...

Пока – обрыв!

Алексей.

Моему Лёшеньке, 25 февраля, 21:56 (Вьюсь.)

Опять вьюсь!!! От нежности... Хочется расти и вращаться в тебя... Может, повьюсь-повьюсь, начну развиваться внутри тебя, вплетусь в вены и... вот впереди мне откроется заветный живой храм – доберусь до самого сердца, «запаутиню» его, и ты станешь ВЕСЬ МОИМ, потому что сдастся твоё сердце!!! Есть у меня шанс прорасти в тебя?

Эх, придёт же такое в голову?! Признаюсь тебе ещё в одном: очень бы хотела стать для тебя Ариной из твоей повести (точнее, быть на её месте) – глупо конечно... Но любил ты её (надеюсь, я правильно произношу этот глагол в прошедшем времени?!) по-настоящему – так, как можно только мечтать-грезить любой девушке. И я не исключение.

Ладно, отругай меня, если я чего и где не так... Люблю тебя – сильно-сильно, поэтому от набранной скорости заносит иногда в сплин-философию.

Обцеловываю тебя – нежнее и пламеннее, чем сегодня в твоём кабинете (!!!!!!!!!!!!!!! – пристанываю, когда вспоминаю).

Бесконечно твоя Дымка.

Р. S. Сегодня в 23:00 буду «блистать» на ТВ «Парнас».

Aline, 25 февраля, 22:15 (Развиваюсь !?/)

Алина, здравствуй!

В первых строках своего письма спешу сообщить, что слова твои горячие, как всегда, легли на мою душу... Хорошо, лепо, в аккурат! В ответ могу сразу сказать: сам горю, сам пылаю, сам во всяких мечтаниях, как в горячем сиропе!

Во вторых строках ставлю тебя в известность, что финал «Волхва» меня, можно сказать, разочаровал и поверг в уныние: всё равно что в хорошей песне дать петуха в последней строчке... Наивно и даже глуповато. Лучше бы не дочитывал!

В третьих строках хочу признаться, что собирался в 23:30 отрубаться, ибо чую тоску сонную в организме, но теперь, конечно же, буду смотреть «Парнас», вернее, конечно, тебя – красоту мою ненаглядную, голубку сизокрылую, малышку бесконечно любимую (sic!)...

Пока вот и всёканьки. Целую в пупочек! И чуть выше! И чуть ниже...

Ответ от тебя (если будет) увижу после телека, отвечу одним-двумя словами и – сковырнись в постель. Уж прости!

Волхв.

Моему Лёшеньке, 26 февраля, 21:22 (Love.)

Лёшечка! Представляешь, животик примолк, и можно сказать, что я даже комфортно себя чувствую! Вот это номер! И никакая ампула не нужна. Люпофь, видимо, так благотворно действует – обезболивающе.

Котик ты мой потягивающийся, кошечка твоя (это я!) мурлыкает себе дома – ей так хорошо, тепло, уютно. Она вся в мыслях о тебе... За окном погода раскуксилась-расплакалась, а на душе – солнышко, потому что ты у меня есть, а я у тебя. Завтра проведем день с мыслями друг о друге – чем не Интернет-Дума?! Будем и не вместе, и вместе. Руки до сих пор тобой пахнут, как мыло ни старалось – твой запах всё равно сильнее (а может, кожа просто не хочет с ним расставаться?!). Вычитала недавно умную фразу: «Уметь высказать, насколько любишь, значит мало любить» (Петрарка), – и сразу твои слова вспомнила про словесную шелуху... Я не могу молчать – чувства меня просто распирают-раздирают! И всё же КАК я тебя люблю, наверное, действительно не выразишь до конца (какого ещё конца?! – поэтесса называется, слово подходящее найти не может!). Моё чувство к тебе никакими словами-стихами не обхватишь. Не хочу растекаться мыслями по дереву... Просто давай любить друг друга, греть, целовать, обнимать... Плевать на всё и всех! Мы нашли друг друга, и это главное – отнять этого у нас никто не может и не смеет! Люби меня, моё ясно солнышко! А я тебя, как смогу – пламенно, пылко, нежно, до полного поглощения-растворения.

Для полного счастья-размагничивания не хватает твоих мыслей, которые я ловлю сердечным радаром, но хочется и виртуальным ковшом зачерпнуть (да побольше и послаще!)

Жду...

Р. S. Не забудь про сканирование себя любимого для меня, конечно же, тоже не менее любимой.

Р. Р. S. Завтра утром пойду в Инет-центр за инет-счастье платить (за всё приходится платить!), поэтому в 9:00 буду уже в пути. Если захочешь позвонить с утра – услышать, как я тебе чего-нибудь щебетну приятного и тёплого, дабы день начался по-весеннему, то звякни до 8:30 (наверно, полдевятого я и выйду), голоском своим окутай меня.

Губки твои увлажняю-омедовываю (во словцо-то!)

Твоя Алина.

Aline, 26 февраля, 22:45 (Ай лав ю!)

Алинушка, малыш мой, здравствуй!

Настроение момента – в сэбже. Могу ещё и по-немецки: ихь либе дихь!

А вообще и если вполне серьёзно, то я очень-очень рад, что ты, роднуля моя, не шибко мучаешься, что тебе, судя по письму, вполне комфортно (физически), чего и желаю на ближайшие твои «критические» 3-4 дня.

Фото отсканирую завтра (дай Бог!).

Отвечаю на вчерашний вопрос: шанс прорасти в меня у тебя есть, но... С трудом представляю (вернее – совсем не представляю!), где у тебя **КОРЕНЬ???** Тут ты чего-то напутала. Давай, лучше я буду в тебя прорасти и – как можно чаще... (Фу, прости за пошлость, но уж очень хотелось сморозить-скаламбурить!)

А если опять же серьёзно, то насчёт «почаще» – как сказать, но... **ХОЧУ, ХОЧУ, ХОЧУ!!!**

Засим и прощаюсь, но ответика жду. У меня ещё есть 50 мин веб-времени, так что я через полчаса (в 23:30) ещё раз выгляну в эфир, дабы получить от тебя предсонную весточку-ответ.

Жду. Спасибо тебе, что ты **ЕСТЬ!**

А.

Моему Лёшеньке, 26 февраля, 23:26 (Я тоже.)

Сладко, сладенько, наисладчайше! Какой ты у меня, оказывается, сахарный! Спасибо! Спасибочки за эти слова-золото!!! За что меня так балуешь?! Неужели заслужила!

Люблю тебя! Спокойной ночи, счастье ты моё! Надеюсь, что завтра смогу сказать тебе своё «Спасибо!» и услышать моего родного Лёшечку!

За письмо мысленно тебя целую, отдаюсь тебе...

Твоя Дымка.

Моему Лёшеньке, 27 февраля, 15:39 (Ура!!!)

Революция!!! Мама меня начала мучить – кого люблю и что это за мужчина, который постоянно звонит... В общем, единственная кандидатура у неё – это ты. Долго я не сопротивлялась, не ломалась. На что мне было сказано: «Ты десять раз подумай, это эйфория...» Я: «Мама, это очень серьёзно, и вообще это моя жизнь...» Вот, собственно говоря, и всё. Она в курсе – тяжёлый груз с сердца сброшен. Ух-х-х!

Люблю тебя, понимаешь, и быть только с тобой хочу!!! И мама теперь это знает. Победа пролетариата!

Я.

Aline, 27 февраля, 15:15 (Чуть помедленнее, кони!..)

Алина, какая ж ты девчонка – совсем маленькая! Чуть умерь эйфорию. Наши сложности, вероятно, только теперь начнутся-раскрутятся. Думаю, стоит пока ещё всё перевести в шутку или сделать вид, что переводишь в шутку... Одним словом, чтобы ясности полной не было. Поверь, так будет лучше.

Увы, я в себе **ПОКА** не вижу решимости знакомиться с твоими предками... Как тебе моя нерешительность-инфантильность?

Ладно, всё так неожиданно – надо обдумать.

Вечером поговорим-пообщаемся.

Целую! Под пытками держись, как Зоя Космодемьянская.

Алекс.

Моему Лёшеньке, 27 февраля, 23:36 (Се ля ви.)

Чего предполагалось-то? Разговор? Наум Батькович было заикнулся, но я быстро всё пресекла – моя жизнь, мой выбор... Теперь оба надулись – не разговаривают.

Алина.

Aline, 28 февраля, 0:08 (Увы!)

Алина, мне чего-то неуютно. С 21:00 до 23:30 пытался переписать видеозаписи твои (наши) и ни хрена не получилось: оказывается, мой новый плеер почему-то не пишет, а на старый видик я из принципа не хотел писать... Одним словом, состояние моё представить можно (матюгаюсь на весь дом, Д. Н. сидит в комнате у матери, боится зайти ко мне, кот на диване прижал уши и притворился мёртвым). А тут ещё комп начал глючить (дважды перезагружал). А тут ещё от тебя почему-то нет письма, написанного ЗАРАНЕЕ и – доброго, ласкового, нежного, УСПОКАИВАЮЩЕГО...

Одним словом, то ли обстановка, обстоятельства действуют на нервы, то ли нервы усугубляют обстановку...

Думаю, нам лучше распрощаться до завтра. Правда, если два словечка напишешь добрых (хотя я понимаю, что у тебя настроение ещё почище моего – прости!) – я подожду пять минут. Алексей.

Моему Лёшеньке, 28 февраля, 0:24 (Не могу!)

Увидеть бы тебя поскорее!

Душно слишком...

Люблю тебя. Спокойной ночи, мой любимый!

Aline, 28 февраля, 0:29 (Могги!)

Держись, крепись, будь, будь Зоей Космодемьянской! А вообще – это тебе пойдёт на пользу. Чуть-чуть идеализма и романтики потерять-утратить тебе надо. Уж прости, родная моя девочка-девчоночка, за нотационный тон. Ладно. Прорвёмся. И – увидимся! Нам – жить!

Спи, отдыхай, ДУМАЙ обо мне! Как я о тебе!

Алёша.

Aline, 28 февраля, 1:54 (Я думал...)

Алина, милая! Вот уже почти два ночи. Я ДУМАЮ о тебе. Думал, что и ты ДУМАЕШЬ обо мне... Опять ошибся! Горе мне, горе! Ладно. Одно утешение: что ты сейчас уже посапываешь в подушку, поджав свои детские губёшки бантиком, и шмыгаешь во сне (поди – плакала сегодня и не только от кино?).

Спи, малышка.

Неспящий в Сиэтле.

Моему Лёшеньке, 28 февраля, 12:51 (Нельзя объять необъятное?!)

Я тоже до полтретьего не спала и тоже ДУМАЛА о тебе – сильно-сильно. Так что на перекрёстке нашего чувства мы всё же встретились. В Инет не решилась спускаться – ты обещал только пять минут подождать. Я даже думала, что и мой крик «Не могу!» не поймает ночью... А ты меня, оказывается, двумя нежными письмами звал-призывал на свиданье. СПАСИБО! Сейчас мне твоя поддержка очень нужна. Вчера ложилась спать с мыслью «Утро вечера мудренее» и, конечно же, с мыслью о тебе... Действительно, с утра встала, потянулась, подошла к зеркалу, а там – твоя Дымка: счастливая (потому что она любит СВОЕГО мужчину), красивая (я утром себе очень нравлюсь!), нежная (вот бы тебя сейчас обнять крепко-крепко, сладко-сладко!), уверенная (ты – смысл моей жизни).

Вчера статьи твои (и о тебе) читала с твоего сайта (точнее, я их давно уже себе на комп скачала). Ах, какая мысль проведена у тебя в одной из них – очень актуальная в НАШЕЙ ситуации: «Каждый из нас пришёл в этот мир единственным и неповторимым, и никто не имеет

права тебя унижать, затаптыгивать, уничтожать. И ещё: если человек сам не захочет податься, его ничто на свете сломить не сможет». Впитала, взбодрилась – жить-то действительно эту жизнь НАМ, делать выбор, отвечать за него, любить, строить своё счастье! Нет, правда, статьи блестящие – там весь ты, до деталей, манеры говорить, мыслить, шутить. Читала их и удивлялась – а ты ничуть не изменился с того времени (2001, 2002). В каждой строке, в каждом слове видно, что это ты приложил к этим статьям свои золотые, чудесные ручки (как я по ним соскучилась – расцеловала бы сейчас каждый пальчик, миллиметр! Губу кусаю!!!). Всё заполнено до отказа (аж вытекает из берегов!) тобой, тобой, тобой, Достоевским в тебе.

Знаешь, когда я первый раз с тобой заговорила (интервью брала), подумала: вот человек – если за что и берётся, то идёт до конца, шлифует себя, ограняет и становится мастером! Тогда я (признаюсь!) в первый раз и подумала: он, наверное, и любит так же! Но и не догадывалась тогда (хотя втайне и мечтала!), что мне предстоит это узнать! Люби меня – меня есть за что любить пламенно и нежно!

В общем, наговорила-написалась! От домашнего бойкота, кажется, уже и разговаривать разучилась! Ан – нет! Кстати, у моих планы на завтра почему-то сорвались, поэтому они будут дома (что за гадство!), так что тебе опять не удастся посмотреть, как я живу. Придётся нам встретиться на нейтральной территории. Кстати, в кинотеатре сейчас идёт психологическая драма «Таинственная река» (Клинта Иствуда между прочим!) – может, сходим? Сеанс, думаю, подходящий на 14:30. Надо позвонить – узнать, есть ли билеты. Это беру на себя! Как надумаешь – пиши-звони, предлагай! Надеюсь, Д. Н. себя ведёт, как хорошая девочка! Или опять шкодничает?!

Любимый мой, свет в оконце! Трещу по швам – я вся в тебе, в мыслях о тебе, о нас! Только благодаря этому во мне быстрее регенерируются силы – сбрасывать-разрывать прирастающие с каждым днём корки негатива! Всё у нас с тобой будет ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Целую тебя, люблю, думаю, жду!

Твоя воздыхательница, поклонница твоего таланта!

Дымка.

Aline, 28 февраля, 19:35 (Объять необъятное нельзя, но...)

... пытаться надо!

Алина, безразмерное спасибо за безразмерное послание – читал с наслаждением и, что уж скрывать, душевным попискиванием (тщеславие – не дремлет-с!).

Насчёт кинА – я, в принципе, согласный: против сеанса на 14:30 МЫ, Алексей такой-то-рассякой-то, ничего не имеем. Значит, встречаемся в 14:00 в фойе?

А теперь-то вот и о главном. Я так и не понял суть вашего бойкота: ты с предками не разговариваешь или они с тобой?

У нас здесь позиция такова: после очередной грубости Д. Н. (не понравилось, что переписываю на видак твоё интервью на «Парнасе») я совершенно твёрдо заявил, что терпеть далее не намерен и что если она решает форсировать события, то я тем более, и мы будем немедленно разводиться и разъезжаться... Тут начались гадости, что, мол, правы её подружки, и я собираюсь нагреть её, так как она больше денег вложила в покупку этой квартиры и т. п. Но когда она поняла, что я не шучу и что расставание действительно вещь реальная, тон был сменён и тональность разговора: дескать, почему я не могу скрытно ей изменять, чтобы это её не травмировало и пр., неужели я такой жестокий и пр. Короче, данный (конечно, не последний!) разговор закончился ультиматумом с моей стороны: никаких вмешательств в мою личную и вообще жизнь – ЧТО хочу смотрю и переписываю на видаке, КОГДА хочу ухажу и прихожу, с КЕМ хочу занимаюсь сексом и КОГО хочу люблю!.. Не её собачье (прости, Господи!) дело. Мы с ней просто СОЖИТЕЛИ, СОСЕДИ, волею обстоятельств живущие в одной коммунальной квартире и ведущие общее хозяйство. После этого она порывалась пару раз продолжить раз-

говор, но я наотрез отказался – не хочу, некогда, я всё сказал!.. Поведение пока сносное: даже постелила коврик в туалет, что раньше наотрез отказывалась делать (мол, коврик испачкает её дурацкую новую плитку).

Вот пока такие пироги со вкусом.

Целую!

Алексей.

Моему Лёшеньке, 28 февраля, 23:18 (Обо всём.)

Спасибо за огромное письмище (да нет, письмище – это грубо, послание – тоже не то, в общем, весточка от любимого, такая долгожданная!) Так много информации и попутных вопросов-ответов. Постараюсь разобраться.

1. Как ты с Д. Н. ТАКОЕ вынес?! Да, революция похлеще моей. У меня бойкот вроде как сошёл на нет. Кто с кем не разговаривал? Они молчали, а я им подыгрывала. Обоюдная тишина. А к вечеру заулыбались даже – прикинулись шлангами: а что им ещё остаётся?! Знаешь, я, по-моему, начинаю понимать прелесть этого вакуума-затишья. Ты, только ты в мыслях, а то, что внешне – всего лишь оболочка! Сегодня целый день это практиковала. Читала, полы мыла, музыку слушала, голову мыла, телек смотрела... А в сердцевине, на главном пути думы-дела – ТЫ!

2. С кино – решено. Правда, за качество кинА не отвечаю – но больно уж заманчиво и название, и режиссёр, и то, что драма (да ещё и психологическая!).

3. За «люблю» отдельное спасибо и букет поцелуев – принимай! Слов нет (хотя нежности хватит отблагодарить)!

4. В 0:30 жди – приду на свиданье, хотя «прикид» не праздничный: спортивные штанишки (правда, с интимным сюрпризом!) и х/б футболка, зато глаза горят, губы зовут, а сердце – музыка!

5. Люблю бесконечно! Осталось пожелать моему любимому спокойствия, душевного комфорта, штиля (дома) – остальное я завтра подарю-добавлю! Целую. Обнимаю сильно-сильно. До ночи! Стели Интернет-постель!

Твоя Любимая. Алиночка-Дымка.

Aline, 29 февраля, 0:10 (Угу!)

Алинка! Успела ли посмотреть кассету со «Свадьбой лучшего друга»? Фильм должен тебе понравиться – люпофь, люпофь, одна люпофь!

Жду тебя в 0:30 – в штанишках или без (лучше – без!), нежную, ласковую, родную, МОЮ! Алинка, правда, ну за что ты в меня влюбилась, а?!! Я этого НЕ ЗАСЛУЖИЛ! И от этого подарок судьбы ещё СЛАДОСТНЕЕ, ХМЕЛЬНЕЕ, ОБАЛДЕННЕЕ...

Жду!

Чмок! Чмок!! Чмок!!!

Ужасный Гудвин.

Aline, 29 февраля, 23:56 (Здравствуй!)

Алина, родная моя, не думал, что ты меня СЛЫШИШЬ! Здравствуй! Доброе утро!.. Всё – зарапортовался!

Признаюсь, душа моя находится в раздрызге после сегодняшних твоих (наших) откровений-разговоров... Просто я понял, что нет у нас впереди покоя и, может быть, счастья. По крайней мере за него придётся побороться, а борьба – это всегда гнусно, грязно, двусмысленно, некрасиво... «Некрасивость убьёт» (Ф. М. Д.)

Впрочем, что нам хлюздить раньше времени, правда? Давай всё же жить днём сегодняшним. А сегодня счастливее нас с тобой вряд ли можно найти: мы любим, нас любят... (Вижу-

знаю – нахмурилась от двусмысленности, уточняю: я люблю тебя, ты – меня!) Давай пить счастье и наслаждаться процессом питья!

Целую!

Оптимист Лёша.

Моему Лёшеньке, 1 марта, 0:19 (Расстрел.)

Убиваешь меня опять!!! Как так счастья не будет?! Ужас!!! Ужас!!! Лёша, не знаю – чего ещё писать. Больно... Неужели всё так плохо... Сил нет биться – особенно, когда биться с тобой же и приходится. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ В ТЫСЯЧУ РАЗ СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО ЛЮБИЛА (Тима и рядом не валялся, да и вообще я была слишком маленькая и романтическая особа – придумала себе это чувство!). А ты – реальный, и мы – реальные, и люблю я тебя по настоящему – всё горит: и смеяться хочется, и плакать. Понимаешь – нет?!

Всё...

Моему Лёшеньке, 1 марта, 21:32 (Я твоя!)

Здравствуй, уставший грустный котёночек мой! Не прошло и двух часов после наших объятий, а я уже успела соскучиться по тебе! Вот это уже точно патология! Силы воспоминаний-энерджайзера хватает на гулькин хвост! Прижала бы сейчас тебя – тёпленького, засыпающего, мурлыкающего, к себе, укрыла одеялом и уснула, посапывая за двоих. Только одна мысль: «Увижу Лёшу завтра» – греет, взбадривает, уравнивает. А так – просто паника! Люпофь – и куда не деться с подводной лодки! Милый мой, дорогой человечек, ДУМАЮ о тебе постоянно, скоро забуду, что это такое – думать о чём-то другом. Есть моногамия, а у меня, наверное, монодумие и монолюбие! Не могу без тебя – хоть убей! Буду признаваться тебе в любви до тех пор, пока, наверное, язык не отсохнет, буквы, по-моему, уже очень скоро на клавиатуре сотрутся («Я», «Т», «Е», «Б», «Л», «Ю»).

Миленький, люблю-поглощаю тебя всего – такого разного, но родного! Ты для меня – ВСЁ!

От этого чувства, что ты мой, со мной, у меня – просто хочется умереть! Принять это НЕВМЕЩАЕМОЕ и родиться заново от того, что ты теперь ЗАЛОЖЕН во мне, как данность.

Сейчас задохнусь от переизбытка своей гордости, ты – моя гордость и награда! «Ты во мне никогда не уместись» – и радостно, и печально. Печально, потому что я слишком мала для тебя, радостно – что ты всё-таки ВО МНЕ, поэтому пусть «раны будут гореть под заплатками...»

Целую моего котика во все усики (!!!?).

Только твоя Дымка.

Aline, 1 марта, 23:15 (Несостыковочка.)

Алина Наумовна!

Слова Вы пишете-точите, конечно, медовые – спасибочки за это! Но... Повторяю: но!!! Дважды пытался связаться с вами по телефону (в 20:00 и 22:30) и – где же Вы были?!!! Какие-то ломкие мужские голоса в трубке вместо вашего ангельского (полуангельского!) голосочка!!!

А если честно (ты же знаешь, что я – чеканутый!), мне сразу возмнилось, что тебя нет дома, а ты где-то у подъезда разговариваешь-общаешься с КЕМ-ЛИБО, кто опять пришёл тебя упрямить-уговаривать вернуться к нему...

Вывод: звонить тебе домой я больше не буду ни под каким соусом, ни в какое время и ни за что! Чтобы не нарываться, не раздражать твоих домашних и не обременять себя лишними мрачными фантазиями.

Жду от тебя ответа, как (да, да!) соловей (как его?) лета!..

А в конце – десерт: люпофь и мне знакомое чуйфство! А если уж совсем серьёзно, то я начинаю скучать по тебе (за тобой, как говорят в народе) не через два часа после разлуки, а через ДВЕ МИНУТЫ, когда ещё не дошёл до остановки. Мне кажется, мы с тобой стали (становимся) сообщающимися сосудами почти буквально, и физическое расстояние между нами вносит в наши организмы дискомфорт, потому что для нас (сообщающихся сосудов) необходимо находиться как можно ближе друг к другу, чтобы общая кровь, лимфа, чувства, мысли, боль, радость и что там ещё не расходовались на пуповину, а сразу перетекали из одного в другого НЕПОСРЕДСТВЕННО. Одним словом, какие-то сиаемские близнецы – если тебя не пугает такое сравнение. А лучше, естественно, и образнее – ЕДИНЫЙ АНГЕЛ.

Целую себя (то есть – тебя), думаю о себе (то есть – о тебе), люблю себя (то есть – тобой), хочу себя (ну вот и облом: конечно же – ТЕБЯ!)!!!

Напиши мне две строки, да я – отключусь. Надо уравновеситься, а то я даже зарядку сегодня не делал.

Жду до 23:45.

Лёха.

Моему Лёшеньке, 1 марта, 23:57 (Ангел...)

...ты мой! У моих теперь почему-то реакция становится острее, чем я предполагала, поэтому иногда до телефона не успеваю первой. Но ты не переживай (любимый, чеканутый мой!), я – твоя и только твоя!

Тоже не могу без тебя, сосуд ты мой, продолжающий меня! Пишу, а самой жарко – с твоего позволения, майку сниму! Вот так лучше! Задыхаюсь без тебя. Завтра первое, что сделаю, поцелую тебя и заберу хоть чуть-чуть свежего воздуха – минут так на двадцать, а потом опять зайду. Не могу без тебя!

Спокойной ночи, солнышко, Лёшечка.

Тающая Дымка.

Моему Лёшеньке, 2 марта, 21:20 (ЛЮБЛЮ!)

В твоём сердце мне светло, тепло, уютно и радостно. Мы друг другу сделали самые бесценные и дорогие подарки: я – твоя, ты – мой! Это прекрасно и замечательно! Неужели так хорошо бывает?!

Счастье моё, жду четверга – незабываемой поездки в мир НЕЖНОСТИ: когда же будет НАША остановка – «Рай»?! Скоро выходить! Ур-р-р-а-а-а...

Твоя нетерпеливая Дымка.

Aline, 2 марта, 23:39 (Ай-я-яй!)

Алина, крошка моя, ты, оказывается, ветрена и непостоянна! Ты с такой лёгкостью меняешь формат (стиль оформления) мэйлов, что невольно закрадывается мысль: неужто и во всём ОСТАЛЬНОМ ты так же непостоянна?..

Насчёт четверга – не зарекайся. Я ж тебя учил, малышку неразумную (неверующую!), что надо добавлять при малейшем планировании-мечтании: «Дай Бог!»

Но – будем надеяться. Тем более, что ты КОЙ-ЧЕГО обещала...

Знаю, что заинтриговал, но что поделать: думай-вспоминай.

Целую тебя в кончик носа и в язычок твой сладко-вкусный!

Ещё дождусь ответа, а потом... Увы, не высыпаюсь!!!!

Твой Лёшка.

Моему Лёшеньке, 3 марта, 0:05 (Лёша...)

Про стиль оформления – расскажешь завтра. Про обещание – это действительно интрига (будет о чём перед сном подумать). Завтра утром звонить не буду, потому что собираюсь выйти пораньше.

Фу, наконец-то всё объяснила (прикинулась деловой-то какой, а?!). От души одно могу сказать-пропеть: ЛЮБЛЮ!

Тоже отрубаясь (в смысле в постельку – нырк!). Пижамка уже надета (а под ней – ой! – трусиков нет: крантик в порядке!!!). Ладно, не буду тебя больше щекотать. Целую.

Твоя Алина.

Моему Лёшеньке, 4 марта, 22:54 (Птица Феникс.)

Я возвращаюсь в инет-жизнь! Возрождение! Настроила наконец комп. Успела «Входящие» в вордовский формат перебросить. Уф – умаялась. Дома всё замечательно, улыбки, делают вид, что вчерашнего (звонка твоей противной Д. Н.) не было.

Милый, уже скучаю, хотя вечер был особенным, правда?! Мы стали друг другу ещё роднее, ближе! (Признаюсь, я боялась, что ЭТО будет не очень приятно, но с тобой всё-всё – СЛАДКО!) Люблю тебя. Жду. Целую каждую секунду.

Твоя Алинка.

Aline, 4 марта, 23:36 (Ад!)

Алина, зато у меня здесь сегодня – ад. В полном смысле слова. Дошло уже (с её стороны) до угроз «воткнуть мне нож в спину» и пр. Спать сегодня буду на кухне на раскладушке, так как комнату отказалась наотрез освободить, по крайней мере – сегодня.

Самая интересная новость из сообщённых ею: у тебя в апреле свадьба должна была быть с Тимой и вы уже квартиру купили... Зачем ты это от меня скрывала???!!!

Ещё интересное: она ещё раз позвонила твоим родителям и сообщила, что вроде бы ничего СТРАШНОГО между мной и тобой не было, так что всё это блажь и можно особенно не беспокоиться... Может, поэтому они такие добрые?

Я.

Моему Лёшеньке, 4 марта, 23:51 (Отвечаю!)

1. Никакой свадьбы не могло быть и в проекте! Я же тебе говорила, что никогда не соглашалась на его предложения! А насчёт квартиры – да! Они (Тима, мои шнурки и Тимина мама) решили, что я куплюсь на такое «удобство»! Хрена! Собственно, и квартиры нет никакой – туфта это всё!

2. Не поняла, когда Д. Н. звонила моим и сказала, что у нас ничего с тобой ЭТАКОГО не было?

3. По поводу ада – даже и не знаю, как тебя пожалеть. Целую буквами, пальчиками по клавиатуре, воздушными поцелуями...

Твоя.

Aline, 4 марта, 23:59 (До завтра!)

Прощай до завтра, моя Дымка!

Глупо всё выходит. Голова болит. Щас опять крик зачнётся, растудит твою качель (как только я начну раскладушкой греметь). Хрустно, мать! Приятных тебе снов.

Ежели чего чиркнёшь ишо – хляну: до 0:30 буду в карты с компом резаться – от безысходности и безразмерной хрусти в хрюдах...

Унылый Лёха.

Моему Лёшеньке, 5 марта, 0:07 (СН)

Глупо, что моя ма с твоей Д. Н. делятся слишком уж сокровенным! Завтра поговорим об этом – косточки им перемоем! Хоть кто-нибудь в этом чёртовом Баранове за нас?! Пошли они все... Люблю тебя! Вся та наша (твоя и моя) жизнь, что была ДО нашей встречи, будет теперь против нас играть – к этому надо подготовиться! Ладно, чего на ночь всё это. Снов тебе приятных (если на кухне такое возможно!). Позвоню завтра утром. Жди. Целую. Отключаюсь тоже.

Дымка.

Моему Лёшеньке, 5 марта, 22:49 (Тихонечко.)

Лёшенька, миленький! Выскочила на минутку. Сегодня, наверное, больше не выйду. Так что напиши мне чего-нибудь сладенького, чтобы я завтра открыла и – душа распустилась. Да и ещё, чтобы я с ума не сошла от нашей разлуки – предлагаю встретиться завтра в Инете где-нибудь около трёх дня. Целую, обожаю, люблю. Скулю-вою – не нацеловала тебя сегодня, не наговорила слов любви-нежности, сколько нужно было. Но я мысленно тебе сейчас их говорю-телепортирую. Слышишь?! Настройся на волну моей души. Ладно, кто-то идёт, скребётся... Буду скучать...

Твоя Дымка. Твоя Алинка.

Aline, 6 марта, 0:11 (Привет из вчера!)

Алина, милая и родная ты моя!

Сейчас, когда я это пишу, ты уже беззастенчиво мнёшь щекой подушку. Эх ты! Дезертирша! Ладно, спи, посапывай, отдыхай, блаженствуй.

Сладкое я тебе только одно могу сказать (написать): ты моя сладкая, ты моя вкусная, ты моя конфеточка (так бы всю в рот и спрятал-облизал!), ты моя ирисочка!..

Всё, возвращаюсь в свой мудрый возраст и говорю уже без детских сю-сю-сю: прекрасно, что есть мир вокруг, прекрасно, что ты есть в этом мире, и сверхпрекрасно, что мы встретились... Остальное – по фигу! Остальное – придорожная пыль и тлен. Если мы с тобой будем вместе ещё один день – это прекрасно. Если мы будем вместе неделю – это невероятное счастье. Если Бог подарит нам месяц – это запредельное пиршество блаженства. Если суждено нам не расставаться год – я тогда не знаю, что называть раем. Ну а если нам подарено-отпущено на нашу любовь несколько лет (неважно – пять или сто) – то слов нет и не надо. Вернее – это, наверное, и есть то, что называется ЖИЗНЬ. В полном и настоящем смысле.

Ладно, расфилософемничался. Я думаю сейчас о тебе. Я буду думать о тебе, засыпая. Ты будешь в мыслях моих, когда я проснусь. Ни единой минуты завтра я не буду в мыслях без тебя... Ну, это ли нельзя назвать любовью?!

Алина! Алина-а-а!!! АЛИНА!!! Алииииинааааа!!!! Ты меня слышишь????

Спи. Но помни, что спишь ты во мне. Ты вселилась в меня. Я – твой ДОМ.

Целую в самый краешек губ (чтобы не разбудить).

Тсссссс, моя Алиночка спит...

Алекс.

Aline, 6 марта, 11:22 (Уведомление.)

Настоящим уведомляется моя любимая женщина (девочка!), что аз грешный в виду невозможности находиться дома, где сожители по коммуналке с утра устроили плотную обструкцию, ухожу из означенного дома часов до 17:00 вечера, так что встреча в Инете будет попозже, но к моменту выхода в эфир надеюсь получить послание.

Он.

Моему Лёшеньке, 6 марта, 12:08 (Живу для тебя!)

За «Привет из вчера» огромное-преогромное тебе спасибо, Лёшечка милый! Сердце сейчас стучит – сотни гвоздей забивая в минуту. Судьба помогла нам найти друг друга (точнее, случай, ещё точнее – мои оголённые плечики: придётся уделять им особое внимание!). Думаю о тебе даже во сне. Сегодня ночью приснился странный сон: будто я еду куда-то в автобусе, куда, не знаю. Выхожу не на той остановке, в общем, опять пересаживаюсь, всё время путаюсь – куда еду, зачем?! Сажусь не в те автобусы. И во всей этой кутерьме думаю (представь, как многослойно: сон и ещё глубже – мысли во сне!) – где там сейчас мой Лёша, что делает, читает, наверное, или в Инете сидит, не дай Бог на Д. Н. опять нервы тратит. Представляешь, даже во сне ты постоянно в моей голове.

Если сегодня захочешь мой голосок услышать (и, конечно, если у тебя возможность будет) – звони после 16:00, мои (ма и па) куда-то гудеть уйдут, так что останутся бабушка и брат, поэтому до телефона должна добраться первой (но даже если и брат трубку возьмёт – всё равно меня спроси!).

Что касается 8 марта, то все мои готовятся отчалить в Будённовск к моим бабушке и тёте (то бишь папиной маме и сестре). Знаешь, я Ксюшку уже, наверное, год не видела – очень хочется её потискать, расцеловать (сестра ведь единственная, ей 10 февраля уже 4 годика исполнилось). Так что, если ты меня отпускаешь, я к родичам рвану со своей семейкой. Но ты можешь внести и свои предложения! Приказывай-предлагай!

Лёша, души в тебе не чаю! Твои поцелуи, как наркотик, как солнце цветам, как вода рыбам, словом, без тебя не могу жить, жизнь без тебя – пустота.

Губы твои распечатаваю десятками поцелуев – невинных и страстных.

По-моему, я уже тебе цитировала это, но повторяюсь:

*Я скучаю среди людей,
Лишь в твоих небесах мне жить.
Без тебя, без твоих дождей
Высыхает река души.*

Если сможешь – выходи в 15:00 в Инет (я с 15:00 до 16:00 буду периодически выглядывать – а вдруг ты тоже там! Если не получится, то до одиннадцати вечера!).

Твоя наисчастливейшая Дымка.

Aline, 6 марта, 20:32 (Деловое – почти...)

Алина, душа ты моя ненаглядная! Здравствуй!

Звонил тебе около 15:00 ОТТУДА, но трубку взял, видимо, брат, и я не стал контачить. Спал ТАМ часа три. Странное ощущение. Домой пришёл успокоенный, заявил, что хочу перемирия, покоя, больше ввязываться в оры-скандалы не буду (утром творилось нечто чудовищное). Мои сожительницы на перемирие тоже с охотой пошли, ибо сами чуть не обинфарктились... Одним словом, сейчас в душе, в теле, в голове усталость, грусть, но и чуть-чуть уравновешенность, нервы задремали...

Письмецо твоё добавило наркотическо-успокаивающего воздействия. Читал и хотелось даже чуть всплакнуть от умиления (старческое, что ли?): ты мой свет в окошке, моя надежда, моя опора (да, да, несмотря на всю свою хрупкость!), моё ВСЁ!..

Теперь (прости за перескок) о делах.

В Будённовск, конечно же, отправляйся-поезжай. Я думаю, мы завтра проведём (тьфу! тьфу!) чудесный день-вечер вдвоём, будем ПИТЬ-ЕСТЬ ДРУГ ДРУГА, расстанемся пресыщенными, так что краткая разлука пойдёт только на пользу нам и нашим чувствам. Встречаемся (если нет других предложений) в 14:00 у нашего кинотеатра. Гут?

Сейчас я уйду из Инета до 0:15. Если к тому времени ты отправишься спать – оставь вкусное письмецо в ящике: меня (что ж делать!) и это УДОВЛЕТВОРИТ.

До встречи, моя девочка! Я думаю о тебе всегда. Целую бессчётно!

А.

Моему Лёшеньке, 6 марта, 21:49 (Болею...!)

Привет, моё золотце! Измучили твои бабы тебя! (Не знаю, как их ещё назвать!) Если помирились – это хорошо! Не хочу тебя расстраивать, но, по-моему, я заболеваю – что-то в горле першит и носик шмыгает. Буду сейчас чаем отпаиваться, дабы завтра мы могли «ПИТЬ-ЕСТЬ ДРУГ ДРУГА». Я так поняла, что завтра идём в кино?! На месте решим – на какой фильм пойдём, да? Лады. Завтра у кинотеатра в 14:00. Целый день твой голос не слышала – пытка, ей-Богу! Представляю тебя – уставшего, грустного... Обнять бы сейчас моего родного Лёшеньку... Целый день почти ни с кем не разговариваю – не хочу, только ты, моя радость!

Не знаю – выйду ли в 0:15. Если нет, то ты уж прости меня – хлюпку Алинку. Главное – серьёзно не заболеть, не слечь. Ещё одного дня разлуки не переживу!

Люблю тебя! Целую, целую, целую, целую...

Твоя девочка.

Моему Лёшеньке, 7 марта, 9:22 (Оклемалась!)

Зоя Космодемьянская задушила вирус на корню (ну почти на корню)! Горчичники на ночь в носки – вот и все рецепты! Правда, пришлось понасиловать свой организм – чай с лимонным соком вливать! Пока аллергическая реакция (тьфу, тьфу!) не проявилась. Ну, это всё пустяки! Просто, когда ложишься спать (в тёплой пижамке, в носочках с зелёными греющими пластиночками), надо очень-очень захотеть проснуться утром здоровой и бодрой (ауто-тренинг!), подумать сильно-сильно О ТЕБЕ и помолиться (Богоматери, её иконка у меня над кроватью). Так что сегодня я (более или менее) в форме (главное, с лимоном не переборщить!).

А теперь о главном: проснулась сегодня в 7:30 с мыслью о тебе и сейчас хожу-вынашиваю ещё сотни подобных мыслей, целую тебя виртуально, обнимаю солнечным светом, прикасаюсь лёгким ветерком.

Сегодня в 14:00 (дай Бог!) покажу всё это (и кое-что ещё!) на практике. До встречи, любимый!

Твоя Дымка.

Aline, 7 марта, 12:07 (Спешу!!!)

Алинка, милая моя! Спешу-бегу к тебе на свидание, как молоденький пацан! Если чуть опоздаю (ты ж знаешь мою натуру!) – не обижайся: увы, что делать – заложить бы меня во влаг...ще да начать переделывать вновь!..

Весь твой до кончика носа и вместе с Васькой!

А. А. Д.

Моему Лёшеньке, 7 марта, 23:05 (МЫ!)

Доброй ночи, моя радость! Не знаю, как жила без тебя. Ты меня делаешь счастливой, с каждым днём я вступаю в тебя, а ты в меня. Наверное, мы созданы друг для друга. Благодарю судьбу за каждый день, проведённый с тобой и с мыслями о тебе! Люблю тебя больше жизни и, кажется, себя... В паспорте моего сердца ты и только ты прописан – все права на меня у тебя!

Твоя Дымка.

Aline, 7 марта, 23:13 (Вот и ладненько!)

Только что отправил записку недоуменную, как получил тут же от тебя мыльце – нежное и душистое: спасибочки!!!

Теперь успокоенный – бай-бай (ты не забыла, что я две ночи спал на раскладушке, а сегодня прикорнул всего 4 часа?).

Думаю о тебе, а лучше сказать (уж так и быть) – ЛЮБЛЮ!

Завтра позвони мне, если не поедешь в Будённовск. Если я не смогу разговаривать толком, то ты говори и говори, а я буду слушать и гмыкать-дакать. Гут?

Целую в милые твои и сахарные уста! Целую и в ГУБЫ...

Проказник.

Моему Лёшеньке, 8 марта, 12:10 (Больная требует добавки!..)

Здравствуй, мой мартовский котик! Спасибо за поздравление и фотку (ты там ну такой довольно-умилённый, как оплодотворённая яйцеклетка! В общем, очень хороший!).

Со здоровьем, по-моему, влипла я капитально – теперь кашель, может, даже бронхит! Так что теперь подседа на «колёса» («Таблетки от кашля», «Бромгексин», «Пертусин»...)

Мои отчалили в Будённовск, дома – скукотища!!! Да, здорово я встречаю 8 Марта!

Ты не забывай меня сегодня, потому что: 1) праздник вроде как женский, 2) Алинка твоя болеет, 3) скучаю по тебе безмерно!

Жду от тебя очередного ответа-привета!

Люблю. Болею (вчера и сегодня в прямом смысле слова!) жадой по тебе (ВСЕГДА!!!)

Алинка.

Моему Лёшеньке, 8 марта, 15:24 (Выговор!)

Лёша (Лёша!!!), объявляю тебе выговор! Прочитать мою записочку (кричащую – как мне одиноко и грустно!) и не ответить?! Вот и вся любовь! Ушёл, наверное, куда-нибудь с Д. Н. и забыл о своей гундосой подружке... Я обиделась! Плакать не буду, но, честное слово, обидно! (Губки уже надула!) Как наказать – не знаю (что за х...ня!). И эта беспомощность ещё больше меня угнетает! Сиж и слушаю «протестующую музыку» (нечто нерусское рок-лирическое!) Ушла бы сейчас сама куда-нибудь, если б не «вирусные наручники»! Не могу отключиться от НАШЕЙ жизни, а ты отключился (предатель!). Единственная отдушина, что родичи в город красных домов умотали, не то б выслушали мои умозаключения о том, что я ТАК жить больше не могу (с ними, в этой квартире, в ЛАТУНКИНСКОМ мире-атмосфере...). В общем, не знаю, чего делать (с тобой, с собой, с жизнью своей НЕНАСТОЯЩЕЙ)! Да тут ещё и твои «самоубийственные» размышления-выводы дровишек в костёр подбрасывают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.